

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

НЕУМЫВАЛЬЧЕНКО Дмитрий Борисович

Выпускная квалификационная работа

**Новая архитектура безопасности НАТО: американский и европейский векторы.
A new NATO security architecture: American and European trends.**

Направление 41.06.01 «Политические науки и регионоведение», основная образовательная программа аспирантуры «Международные отношения и мировая политика»

Научный руководитель:
профессор кафедры мировой политики,
доктор политических наук
МАРКУШИНА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

Рецензенты:

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Введение.....	3
ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА....	7
1.1. Роль НАТО в архитектуре евроатлантической безопасности.....	7
1.2. Анализ стратегических документов НАТО.....	13
1.3. Теоретические аспекты формирования архитектуры безопасности.....	18
ГЛАВА II. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА.....	21
2.1. Подходы к пониманию деятельности НАТО в странах Восточной Европы.....	21
2.2. Американский подход к деятельности НАТО.....	22
2.3. Общеввропейский подход к деятельности НАТО.....	24
ГЛАВА III. ПОДХОДЫ К ВЫРАБОТКЕ МЕХАНИЗМОВ В АРХИТЕКТУРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА....	27
3.1. Обеспечение безопасности в регионе Балтийского моря.....	27
3.2. Противодействие терроризму.....	30
3.3. Миротворчество и кризисное регулирование.....	33
3.3.1. Операция в Косово.....	34
3.3.2. Операция в Ливии.....	35
3.4. Кибербезопасность.....	38
Заключение.....	42
Список источников и литературы.....	47

Введение

Актуальность темы исследования. Окончание холодной войны, распад Советского союза, ликвидация Организации Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи заставили международное сообщество пересмотреть роли и значение многих международных структур в новых условиях. Не стала исключением и Организация Североатлантического договора, смысл существования которой ставился под вопрос. Иными словами, организация должна была быть либо ликвидирована вслед за ОВД, либо трансформироваться, найдя новые ориентиры для своей деятельности.

Многие государства – участницы Североатлантического договора были заинтересованы в том, чтобы альянс, который обладает значительным потенциалом в области обеспечения региональной безопасности, продолжил свое существование. Коренные изменения, связанные с окончанием холодной войны, неизбежно влекли за собой изменение баланса сил, которое, в свою очередь, было способно повлечь нестабильность в международных политических процессах. Сохранение организации коллективной безопасности, в распоряжении которой была развитая инфраструктура и значительное количество ресурсов, должно было гарантировать безопасность странам – членам альянса.

Так начался процесс адаптации НАТО к новым условиям. В процессе формирования новой архитектуры безопасности альянса происходил поиск новых вызовов и угроз, изменялись подходы к процессу обеспечения безопасности, границы альянса расширялись путем принятия новых членов организации, проводились активные работы в области развития партнерских отношений, в том числе и с Россией и т.д. При этом, процесс формирования архитектуры безопасности неизменно сопровождался с постоянно изменяющимися условиями на международной арене.

Начало трансформации альянса в новых условиях было положено уже в 1990 году, принятием Лондонской декларации, в которой было ясно обозначено стремление в сохранении организации¹. В основу понимания процесса обеспечения безопасности во многом легли идеи теории секьюритизации. В Стратегической концепции НАТО 1991 года было обозначено важное значение политических аспектов в процессе обеспечения международной безопасности, достигаемых через диалог и установление партнерских отношений. Также альянс пошел по пути географической трансформации, где речь идет не

---

¹ Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance. London, 1990 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23693.htm

только о расширении границ организации за счет присоединения к союзу новых членов, но и о выработке новых подходов к процессу обеспечения безопасности, которые позволяли проводить операции НАТО далеко на ее пределах.

Важной вехой в процессе адаптации альянса к новым условиям стал кризис на территории бывшей республики Югославия. Операция НАТО по кризисному регулированию в Косово во многом решила проблему «идентичности» альянса, продемонстрировав необходимость подобной организации.

Поиск новых ориентиров сопровождался также и нетрадиционными угрозами, в ответ на которые требовалось выработать действенные механизмы и инструменты для противодействия им.

Важность ответов на вопросы как формируется архитектура безопасности НАТО на современном этапе, какие факторы влияют на этот процесс и какие векторы развития в можно выделить определяют актуальность данной проблемы. Понимание логики развития организации в процессе обеспечения международной безопасности несет в себе научную ценность, так как может стать основой для дальнейших исследований и прогнозов относительно будущего Организации Североатлантического договора.

Степень изученности проблемы. Проблемам трансформации НАТО уделялось большое внимание с начала 1990-х годов. Во многом такой интерес к данной теме был обусловлен спорами как в научных, так и политических кругах о необходимости дальнейшего существования альянса вообще. В 2000-х годах вектор исследований несколько изменился: стало очевидно, что Североатлантический союз продолжит свое существование. Важность понимания по какому пути развивается альянс невозможно переоценить. Интерес к проблематике подогревали кризис на территории бывшей республики Югославия, расширение НАТО, принятие новой Стратегической концепции в 1999 году, а после операция в Афганистане, начатая США в ответ на террористические атаки 11 сентября 2001 года. Стоит отметить, что вопрос трансформации НАТО актуален до сих пор.

Среди работ по трансформации НАТО можно отметить научную статью Усубова Фариды Джабраила Оглы и старшего преподавателя факультета международных отношений СПбГУ Белоногова Андрея Львовича «Проблемы трансформации стратегии НАТО в начале XXI в.», в которой рассматриваются вопросы касательно зоны

ответственности альянса, финансирования организации и развитие подходов к военному планированию².

Также проблематике трансформации Организации Североатлантического договора посвящена статья старшего научного сотрудника отдела оборонной политики РИСИ Кучинской Марины Евгеньевны «Основные тенденции трансформации НАТО на современном этапе (политические аспекты)». В данной работе автор рассматривает процесс адаптации альянса к новым условиям, анализируя содержание Стратегической концепции НАТО 2010 года в сравнении с предыдущими стратегическими документами³.

Данной проблемой также занимаются и иностранные авторы. Доктор Драган Лозанчич из Европейского центра изучения безопасности им. Джорджа Маршалла написал работу под названием «Преобразование НАТО в Европейский союз»⁴, в которой рассмотрел возможности НАТО адекватно реагировать на нетрадиционные вызовы и угрозы. Также автор сделал вывод о том, что в трансформации союзнических институтов нет ничего противоестественного, и адаптируясь к новым условиям альянс вправе менять свои изначальные цели и задачи. Отмечая, что альянс проявил хорошие способности к адаптации под новые условия, автор сделал оптимистичный вывод, что Североатлантическому союзу вполне под силу адаптироваться к любым нетрадиционным угрозам безопасности.

Помимо вышеупомянутых авторов проблематики формирования архитектуры европейской безопасности свои работы посвятили такие авторы, как Стивен Мариано⁵, Александр Кроузер⁶, Нестеров Алексей Олегович⁷, Волков Михаил Викторович⁸ и другие.

Как мы видим, многие исследователи изучают проблемы трансформации НАТО и адаптации организации к новым условиям. Однако подавляющее большинство исследователей подходит к изучению процесса формирования архитектуры безопасности альянса, исходя из позиции, что НАТО представляет собой единый механизм. Однако, в действительности, НАТО является неоднородной организацией, так как в его составе

2 Усубов Ф., Белоногов А. Проблемы трансформации стратегии НАТО в начале XXI в. // Вестник СПбГУ. Сер. 6, 2010, вып. 1. С.93–100.

3 Кучинская М. Основные тенденции трансформации НАТО на современном этапе (политические аспекты) // Проблемы национальной стратегии №3 (8), 2011. С.98–116.

4 Lozancic D. NATO's Transformation into a Contemporary Alliance // The Croatian International Relations Review, July–December 2010. P.75–87.

5 Mariano S. Untangling NATO Transformation // Queen's University, Centre for International Relations, 2007 // <http://www.queensu.ca/cidp/sites/webpublish.queensu.ca.cidpwww/files/files/publications/Martellos/Martello32.pdf>

6 Crowther A. NATO Nouvelle: Everything Old Is New Again // Joint Force Quarterly, No. 4 (83), 2016.

7 Нестеров А. Модернизация НАТО: основные этапы и направления // Армия и общество №4 (36), 2013.

8 Волков М. НАТО и современные вызовы и угрозы Евroatлантической безопасности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена №30 (115), 2009. С.43–50.

насчитывается уже 29 государств, каждое из которых стремится реализовать свои собственные политические интересы через структуру альянса. В данной работе мы подойдем к изучению архитектуры безопасности НАТО, исходя из того, какие интересы преследуют члены альянса в процессе выработке подходов к тем или иным угрозам.

Объектом исследования является деятельность Организации Североатлантического договора.

Под **предметом исследования** понимается процесс формирования архитектуры безопасности НАТО.

Целью исследования является выявление основных тенденций в процессе формирования архитектуры безопасности НАТО в контексте различий интересов членов организации.

Задачи исследования:

- определить роль НАТО в системе европейской безопасности;
- провести анализ стратегических документов организации, которые определяют процесс формирования архитектуры безопасности;
- выявить различия в подходах к пониманию деятельности НАТО;
- выявить различия в подходах к выработке механизмов и инструментов в архитектуре безопасности НАТО;
- выявить основные тенденции в процессе формирования архитектуры безопасности НАТО.

В качестве методологической основы исследования автор использует методы системного анализа и принцип конкретно-исторического подхода. В качестве базовой теоретической модели принята концепция неореализма, предполагающая признание баланса сил и национальных интересов в качестве ключевых понятий.

ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА

1.1. Роль НАТО в архитектуре евроатлантической безопасности

Организация Североатлантического договора безусловно всегда играла большую роль в процессе обеспечения безопасности прежде всего на европейском континенте. Не секрет, что с момента образования и до окончания холодной войны главной задачей, которую предписывали многие политики из разных стран Североатлантическому альянсу, являлось сдерживание Советского союза. Однако по окончании холодной войны НАТО не ждала участь Организации Варшавского договора.

Очевидно, у большинства государств – участниц Североатлантического договора были собственные интересы в том, чтобы военно-политический блок продолжил свое существование. Так, например, для Соединенных Штатов Америки НАТО представляет собой эффективный инструмент вмешательства в дела европейской безопасности. Распад такой мощной с военно-политической точки зрения страны как Советский союз неизменно должен был привести к изменению баланса сил в Европе. В таких условиях американский эстеблишмент просто не может себе позволить отказаться от эффективных инструментов влияния на процесс обеспечения безопасности на европейском континенте. В свою очередь, страны Западной Европы, очевидно, рассматривали НАТО в качестве служила некоего гаранта безопасности во времена коренных политических изменений.

Текст Североатлантического договора не содержит каких-либо упоминаний о коммунистических странах или условий прекращения деятельности союза. Другими словами, никаких препятствий для дальнейшего существования организации не существовало. Тем не менее, изменение политической и стратегической ситуации в мире требовало от Североатлантического альянса адаптации к новым условиям.

Окончание холодной войны ознаменовало собой начало новой эпохи в международных отношениях. На фоне понимания того, что коренные изменения происходят «здесь и сейчас», политические деятели охотно осваивали новые подходы к вопросам обеспечения безопасности. В это же время, происходило активное формирование идеи отказа от традиционного понимания безопасности, ориентированного исключительно на военные факторы. Ограниченность традиционного подхода не позволяла проводить полноценный анализ событий даже времен холодной войны, ведь

военные факторы далеко не всегда играли определяющую роль. Появилось понимание того, что вопросы безопасности затрагивают множество комплексных отношений. Впоследствии эти идеи легли в основу теории секьюритизации.

Вероятно, поэтому идея о продвижении либеральных ценностей в бывшие коммунистические страны Европы была поддержана всеми членами НАТО⁹. Либерализация посткоммунистических стран Европы обусловлена не только стремлением подчинить своей политической воле государства, переживающие переходный период, но и соображениями безопасности. В значительной мере, именно процессом либерализации объясняется процесс принятия восточноевропейских стран в состав НАТО.

Тем не менее, нужно понимать, что Североатлантический союз — не единственный инструмент обеспечения безопасности в регионе. Так как европейский регион больше подвержен различным кризисам в области безопасности, ниже мы не будем уделять внимание североамериканским институтам, обеспечивающим региональную безопасность, а лишь кратко рассмотрим деятельность европейских институтов, которые так или иначе могли составить конкуренцию НАТО в процессе обеспечения безопасности в Западной Европе.

С точки зрения состава участников европейских институтов по вопросам региональной безопасности, конкуренцию НАТО способно было составить только СБСЕ (с 1 января 1995 года переименовано в ОБСЕ), так как среди государств-участниц Совецания были и североамериканские страны. Однако целью СБСЕ не было обеспечение безопасности ни в Североатлантическом регионе (несмотря на членство США и Канады), ни в Азии (хотя многие азиатские страны имели членство в СБСЕ). Кроме того, уже в 1990-х годах в ряде европейских стран была популярна идея об ослаблении влияния неевропейских государств на политические процессы в Европе. Поэтому в действительности перспективы СБСЕ потеснить НАТО в процессе обеспечения безопасности на европейском континенте были ничтожны. Какие бы реформы в рамках СБСЕ не проходили, ослабить роль неевропейских государств в рамках данной структуры представлялось маловероятным. К тому же, в рамках СБСЕ в области военной безопасности решаются задачи по вопросам контроля над распространением вооружений, дипломатических усилий по предотвращению конфликтов и мер по построению доверительных отношений и безопасности, чего недостаточно для эффективного

---

⁹ London Declaration on a transformed North Atlantic Alliance issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. London, 5-6.07.1990 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm

обеспечения региональной безопасности. Вероятно, именно ввиду отсутствия эффективных механизмов обеспечения безопасности в настоящее время роль ОБСЕ в основном сводится к осуществлению мониторинговых миссий.

Среди других институтов, принимающих участие в обеспечении безопасности в Европе, следует выделить Европейский союз и Западноевропейский союз (который окончательно прекратил свою деятельность в 2011 году, передав свои полномочия соответствующим структурам ЕС).

Петерсбергская декларация 1992 года существенно расширила функции Западноевропейского союза, наделив организацию полномочиями по проведению операций по кризисному регулированию, а также спасательных и миротворческих операций. В том же году в Бонне был подписан Маастрихтский договор, в результате которого был создан Европейский союз и введено понятие трех столпов ЕС. Одним из этих столпов стала Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВППБ), которая затрагивает вопросы обороны и кризисного регулирования.

К концу 1990-х годов европейские страны получили определенную автономность в принятии решений в вопросах обеспечения безопасности в Европе. В Стратегической концепции Североатлантического союза, принятой в апреле 1999 года в Вашингтоне, было закреплено положение о возможности европейских союзников «по мере необходимости действовать самостоятельно»¹⁰.

В декабре 1998 года в ходе встречи Жака Ширака и Тони Блэра во французском городе Сен-Мало был сформулирован призыв к формированию системы европейской безопасности способной выполнять задачи в соответствии с Петерсбергской декларацией. Уже в следующем году на Саммите ЕС в Кёльне было принято решение о формировании системы органов в рамках Европейской политики в сфере безопасности и обороны. В том же году на Саммите в Хельсинки обсуждались вопросы военного планирования будущих европейских сил безопасности. Задумывалось, что страны Европейского союза должны быть способны в течение 60 дней развернуть вооруженные силы численностью до 60 тысяч человек для проведения операции продолжительностью до одного года. Для реализации этой идеи были созданы постоянные политические и военные органы, большинство из которых начали функционировать уже к 2001 году. Позже в рамках ЕС

---

¹⁰ Стратегическая концепция Североатлантического союза. Вашингтон, 1999 // http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm?selectedLocale=ru

также были созданы меньшие по численности силы быстрого реагирования. А в 2003 году была принята Европейская стратегия безопасности.

Так называемые договоренности «Берлин Плюс», которые представляют собой заключенное в 2003 году между НАТО и ЕС рамочное соглашение, на данный момент представляют собой некую платформу, на которой строится сотрудничество между этими двумя организациями. Во многом, именно эти договоренности позволили европейским странам провести самостоятельные операции в бывшей югославской республике Македония и в Боснии и Герцеговине в 2003 и 2004 годах соответственно. Несмотря на то, что эти две операции были основаны на предшествующих миссиях НАТО, уже в июне 2003 года Европейский союз начал свою первую независимую миротворческую операцию в Демократической Республике Конго в соответствии с Резолюцией СБ ООН 1484 (2003)¹¹. В дальнейшем под эгидой ЕС были проведены десятки операций и миссий по кризисному регулированию не только в Европе, но и в Азии, и Африке. В настоящее время Европейский союз участвует в 14 миссиях, включая полицейскую миссию в Косово, содействие безопасности границ между Республикой Молдовой и Украиной, подготовку вооруженных сил в Демократической Республике Конго и Мали, противодействие морскому пиратству в Сомали, постконфликтное строительство в Ливии и т.д.

При этом Европейский союз продолжает тесное партнерство с НАТО в сфере обеспечения безопасности. В рамках стратегического и оперативного сотрудничества между Европейским союзом и Североатлантическим альянсом были выработаны механизмы взаимодействия на уровне политиков и военных. В середине 2000-х годов при Военном штабе ЕС была учреждена Постоянная группа связи взаимодействия НАТО, а при штабе объединенных вооруженных сил НАТО в Европе был создан отдел ЕС.

Мы видим, что несмотря на стремление Европейского союза приобрести самостоятельность в вопросах обеспечения безопасности в Европе, ЕС не отказывается от тесного сотрудничества с НАТО.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что в своем стремлении развивать европейский потенциал в области обеспечения безопасности, европейские страны стремятся к европейско-американскому сотрудничеству. Конечно, Европейский союз уже сейчас способен самостоятельно осуществлять некоторые инициативы в сфере обеспечения безопасности, однако не стоит забывать, насколько большую роль играет

---

¹¹ Council Decision 2003/432/CFSP. Luxembourg, 12.06.2003 // <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/decision%2012.06.03.pdf>

поддержка НАТО в рамках договоренностей «Берлин плюс» для проведения самостоятельных операций ЕС. Кроме того, американский опыт в проведении миротворческих операций и посткризисному регулированию подталкивает европейские страны (в особенности членов НАТО) к активному сотрудничеству с США в рамках оборонной политики. Таким образом, большинство европейских стран видят возможность развития европейского оборонного потенциала исключительно в тесном партнерстве с США.

Учитывая то, что Вашингтон на протяжении многих лет активно поддерживает идею о том, что НАТО должна оставаться главным консультационным форумом в вопросах обеспечения безопасности среди союзников (то есть и в вопросах европейской безопасности), и противодействует любым политическим решениям, которые могут нанести ущерб альянсу, европейско-американское сотрудничество в сфере международной безопасности неизбежно сводится, в первую очередь, к союзническим отношениям в рамках Североатлантического договора.

Но, несмотря на заявления официальных лиц о том, что НАТО и ЕС дополняют друг друга в вопросах предотвращения и разрешения кризисов¹², отношения между этими организациями весьма противоречивы. Наряду с тесным сотрудничеством, мы наблюдаем элемент политической конкуренции.

Например, Европейский союз и НАТО в одно и то же время реализовывали концепцию сил быстрого реагирования. В рамках ЕС были созданы так называемые боевые группы численностью до 1500 человек, а в рамках Североатлантического альянса силы реагирования НАТО. Еще одним ярким примером является опыт обеих организаций в Дарфуре (Судан). Выполняя схожие задачи, вместо объединения своих усилий деятельность ЕС и НАТО свелась к дублированию функций друг друга и политической конкуренции. Иными словами, различное видение тех или иных стран на роль организаций в выполнении определенных задач препятствует реализации потенциала тесного взаимодействия между ЕС и НАТО.

Ко всему прочему, процесс сотрудничества между этими двумя организациями осложняются другими факторами. Во-первых, стоит отметить, что не все члены Европейского союза имеют членство в Североатлантическом альянсе. Конечно, большинство из таких стран могут принимать активное участие в обсуждении вопросов

---

12 Vershbow A. Strong on Values, Strong on Defence: NATO's Role in Projecting Stability to the East and South. London, 23.05.2016 // http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_131446.htm?selectedLocale=en

обеспечения европейской безопасности в рамках официальных встреч на различных уровнях и постоянно действующих структур, созданных для осуществления активного сотрудничества между ЕС и НАТО. Однако некоторые из этих стран, в частности Мальта и Кипр, попросту лишены возможности принимать активное участие в процессе обеспечения безопасности на Европейском континенте. Дело в том, что эти страны присоединились к ЕС в 2004 году и не имеют соглашений об обмене секретной документацией с НАТО. Да, представители этих стран участвуют в обсуждениях по вопросам безопасности на неофициальных встречах, но, стоит признать, что такое положение дел не является идеальным.

Кроме того, также существуют проблемы, связанные с принципиальными позициями некоторых стран. Ярким примером тому являются противоречия Турции и Греции, которые нередко подталкивают эти страны снимать некоторые вопросы с повестки дня. С одной стороны, это демонстрирует структурную несовершенство механизма взаимодействия союзников и партнеров в процессе обеспечения безопасности, с другой стороны, служит отличным примером того, что собственные интересы отдельных стран способны существенно затруднить работу по важным направлениям в рамках многостороннего сотрудничества.

При этом Североатлантический альянс на сегодняшний день продолжает играть доминирующую роль в процессе обеспечения европейской безопасности. Действительно, как было отмечено выше, некоторые европейские страны считают, что безопасность в регионе должна осуществляться собственными силами Европейского союза, но вынуждены согласиться с тем, что на данный момент присутствие американской стороны в этом процессе является необходимостью. Это было отмечено и в Стратегии европейской безопасности, и во многих докладах Европейского союза по вопросам безопасности.

Помимо того, что Североатлантический альянс обладает большими возможностями в обеспечении региональной безопасности, руководство НАТО успешно решает свои политические задачи: в частности, стоит отметить стремление альянса занимать ключевые посты в институтах командования и планирования любых международных военных операций, ссылаясь на опыт организации.

Асимметрия во взаимоотношениях между Европейским союзом и Североатлантическим альянсом никуда не исчезла, напротив, в последние годы наблюдается ее усиление. В 2016 году на саммите в Варшаве была подписана Совместная декларация НАТО и ЕС, в которой были определены приоритетные области

сотрудничества, а именно: противодействие гибридным угрозам, укрепление оперативного взаимодействия на море, в том числе в вопросах связанных с миграцией, кибербезопасность и укрепление практического взаимодействия и совместимости¹³. В действительности такое сотрудничество, скорее, идет на пользу НАТО и только увеличивает асимметричность во взаимоотношениях этих двух организаций в процессе обеспечения европейской безопасности. Совместная декларация, обязывающая Европейский союз включиться в практическое взаимодействие с альянсом, в то же время подразумевает, что ЕС будет придерживаться тех стратегий и решений, которые были сформулированы в рамках НАТО. Таким образом, Европейский союз делает шаг назад в своем стремлении укрепить свою стратегическую самостоятельность в области безопасности, курс на которую был определен в Глобальной стратегии внешней политики и безопасности ЕС 2016 года¹⁴.

Также увеличению роли НАТО в архитектуре европейской безопасности способствует выход Великобритании из Европейского союза. Соединенное королевство является одним из лидеров по уровню боеспособности вооруженных сил. Следовательно, единение Европы в сфере обеспечения безопасности без Великобритании становится в определенной мере бессмысленным. Соответственно, выстраивать эффективную модель обеспечения европейской безопасности на сегодняшний день представляется возможным только через НАТО.

Как мы видим, архитектура региональной безопасности на европейском континенте по-прежнему носит натоцентричный характер. Несмотря на то, что Североатлантический союз не является идеальным механизмом, он остается основной площадкой для обсуждения вопросов безопасности на европейском континенте и, скорее всего, продолжит оставаться таковой в обозримом будущем.

1.2. Анализ стратегических документов НАТО

Адаптация Североатлантического альянса к новым условиям после холодной войны безусловно сопровождалась формированием соответствующей документальной

---

13 Joint declaration by the President of the European Council. The President of European Commission and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization, Warsaw, 8.07.2016 // http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133163.htm?selectedLocale=en

14 Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the EU's foreign and security policy. Brussels, 2016 // http://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/eugs_review_web.pdf

базы. Для того, чтобы проследить динамику построения новой архитектуры безопасности НАТО, мы рассмотрим ряд важных стратегических документов, принятых в организации.

Первая Стратегическая концепция НАТО после распада СССР была обнародована в ноябре 1991 года в Риме. Этот документ, скорее, носил вынужденный характер, так как ее появление во многом было связано с упразднением Организации Варшавского договора и уже неминуемым распадом Советского Союза, а соответственно и с необходимостью новых ориентиров для НАТО уже в новом постсоветском периоде. В концепции было отмечено исчезновение «преобладавшей в прошлом угрозы», но вместе с этим было отмечено и сохранение угроз, носящие многовекторный и разнообразный характер¹⁵.

Вторая Стратегическая концепция Североатлантического союза (1999г), принятие которой было приурочено к пятидесятилетию альянса, представляла собой цельную политическую программу будущего развития Организации Североатлантического договора. Особое внимание в этом документе мы обращаем на то, что зона ответственности альянса выходит за пределы традиционной зоны, ограничивавшейся территорией государств-членов. Это видно на протяжении всего документа. Так, например, в статье 43 документа сказано, что механизмы, основанные на принципе коллективных усилий по обороне Североатлантического союза, позволяющий государствам-членам альянса пользоваться преимуществами коллективной обороны в политическом, военном планах и в плане обеспечения ресурсами, а также позволяющий силам НАТО вести операции по реагированию на кризис вне статьи 5 Вашингтонского договора, содержат компонентами, одним из которых является «размещение и развертывание, в случае необходимости, сил за пределами своей территории»¹⁶. Также, согласно концепции 1999 года, НАТО предписывались такие задачи как защита демократии, реагирование на конфликты и принуждение к миру, гуманитарная интервенция.

17 мая 2010 года в Брюсселе был обнародован обзорный доклад, который был подготовлен по просьбе генерального секретаря НАТО Андерса Фог Расмуссена в рамках процесса подготовки новой Стратегической концепции Североатлантического союза под руководством бывшего генерального секретаря США Мадлен Олбрайт¹⁷. Этот документ во

---

15 The Alliance's New Strategic Concept. Rome, 1991 //

http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_23847.htm

16 Стратегическая концепция Североатлантического союза. Вашингтон, 1999 //

http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_27433.htm

17 НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие. 17.05.2010 //

http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_63654.htm

многим нашел свое отражение в принятой 20 ноября третьей Стратегической концепции Североатлантического договора, принятой в постсоветском периоде. Учитывая то обстоятельство, что данный документ является ныне действующей концепцией, мы уделим ей значительно больше внимания, чем предыдущей, так как именно ее положения во многом являются определяющими в процессе построения новой архитектуры безопасности НАТО. Итак, анализируя данный документ, необходимо обратить особое внимание на ряд положений. Во-первых, в документе был определен ряд как нетрадиционных угроз (угроза кибер-атак и международного терроризма), так и традиционных, на которые также стоит обратить внимание. Примечательно, что в документе указывается угроза попадания оружия массового уничтожения в руки террористов¹⁸.

Вообще, ядерная проблема освещена в Стратегической концепции 2010 года довольно широко. Наряду со стремлением к сокращению и полной ликвидации ядерного оружия в мире, альянс делает примечание на том, что он намерен продолжать сохранять свой ядерный потенциал до тех пор, пока в мире существует ядерное оружие и угроза его распространению. С одной стороны, такое положение может существенно затруднить ход ядерного разоружения в мире, так как не все обладатели ядерного оружия являются членами альянса. Но в то же время мы не должны забывать, что ядерным оружием обладают не только постоянные члены СБ ООН, но и ряд государств, не присоединившихся к режиму нераспространения ядерного оружия, в частности речь идет о таких странах, как Индия, Пакистан и КНДР (последняя хоть и ратифицировала Договор о нераспространении ядерного оружия, но позже отозвала свою подпись). При таких условиях полный отказ от ядерного вооружения со стороны «легитимных» ядерных держав представляется крайне маловероятным. Другими словами, и без этого положения Стратегической концепции НАТО процесс глобального ядерного разоружения значительно осложнен.

Стоит также отметить положения относительно кризисного регулирования. В новой Стратегической концепции Североатлантического союза говорится, что «нестабильность или конфликт за пределами границ НАТО могут непосредственно угрожать безопасности альянса. В этой связи НАТО будет участвовать, где возможно и необходимо, в предотвращении кризисов, их регулировании, стабилизации в

---

¹⁸ Strategic concept: Active Engagement, Modern Defence. Lisbon, 19.11.2010 // http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en

постконфликтных ситуациях»¹⁹. Кризисное регулирование, согласно документу, может осуществляться силами альянса, как политическими, так и военными средствами, что в принципе не ново. Однако мы рассматриваем это положение документа как стратегическое направление в развитии организации, которое позволит альянсу претендовать на исключительные права в сфере международной безопасности, фактически стирая региональные границы зоны ответственности организации.

Кроме того, в новой Стратегической концепции НАТО имеет место быть глава носящее название «Реформирование и трансформация» и состоящее всего из двух статей. Глава имеет ряд положений подчеркивающих необходимость иметь достаточные ресурсы – финансовые, военные и человеческие, – направленных, в основном, на еще большую сплоченность и интеграцию членов в рамках организации.

Еще в 2008 году на встрече в верхах в Бухаресте было принято решение разработать пути развития оперативной совместимости в рамках НАТО. Под оперативной совместимостью следует понимать способность работать сообща, используя согласованные стандарты, доктрины, процедуры и оборудование. Причина обеспокоенности данным вопросом очевидна — наличие проблем взаимодействия, вызванная отсутствием языковых навыков личного состава, несовместимость оборудования и т.д.²⁰. Несмотря на то, что в рамках НАТО существуют соглашения по стандартизации, очевидна неспособность стран – членов альянса добросовестно выполнять свои обязательства по данным соглашениям. Нужно понимать, что проблема оперативной совместимости между членами альянса была актуальна еще во времена холодной войны, однако изменение характера угроз, постоянно растущее число партнеров, необходимость эффективного взаимодействия на низших ступенях командования не только сохраняют проблему актуальной, но и осложняют пути ее решения. Именно поэтому на Саммите в Уэльсе в 2014 году была выдвинута Инициатива по оперативной совместимости с партнерами, призванная развивать оперативную совместимость с государствами – партнерами НАТО. Во время варшавского саммита в 2016 году, была принята дорожная карта по кризисному регулированию и оперативной совместимости, в которой были намечены пути улучшения взаимодействий членов НАТО с партнерами

---

19 Strategic concept: Active Engagement, Modern Defence. Lisbon, 19.11.2010. Article 20 // http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en

20 Interoperability for joint operations. Belgium, NATO, 2006. // https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_publications/20120116_interoperability-en.pdf

альянса а таких областях, как обучение и обмен опытом, логистика, вопросы, связанные с вооружением и военной техникой и т.д.

Помимо Инициативы по оперативной совместимости с партнерами следует также выделить другой инструмент — процесс планирования и анализа НАТО, в рамках которого Организация Североатлантического договора помогает своим партнерам увеличить оперативную совместимость с помощью участия в оборонных реформах страны.

Для улучшения оперативной совместимости между членами альянса оперативная совместимость воспринимается как один из ключевых элементов оборонного планирования организации. Целью оборонного планирования НАТО является создание некой платформы, которая позволит наиболее эффективно решать задачи в области оборонных взаимодействий между национальными вооруженными силами государств – членов альянса²¹. Процесс оборонного планирования НАТО состоит из пяти этапов: постановка политической задачи, определение условий для ее выполнения, возложение обязанностей на исполнителей, имплементация, оценка результатов. При этом, оборонное планирование охватывает множество различных процессов, включая выделение национальных вооруженных сил на решение поставленной задачи в рамках альянса, финансирование, сотрудничество в области разработке и производства вооружений и военной техники, логистические процессы и т.д.

Так одним из многочисленных результатов оборонного планирования НАТО является решение, принятое в ходе варшавского саммита в 2016 году, о создании передового присутствия на ротационной основе в странах Балтийского региона. Всего за год в Латвии, Литве, Польше и Эстонии были развернуты четыре многонациональных батальона численностью свыше четырех тысяч военнослужащих. Несмотря на то, что за прошедший год альянс завершил часть своих программ, в том числе миссию по борьбе с морским пиратством у берегов Африканского рога, численность сил быстрого реагирования НАТО увеличилась с тринадцати до сорока тысяч военнослужащих. При этом были созданы объединенные оперативные силы высокой готовности численностью пять тысяч человек²².

---

21 NATO Defence Planning Process. NATO, 30.01.2017 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49202.htm?selectedLocale=en

22 The Secretary General's Annual Report 2017. Belgium, NATO, 2018 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_03/20180315_SG_AnnualReport_en.pdf

Также решения Варшавского саммита 2016 послужили платформой для формирования новых подходов к обеспечению кибербезопасности. В частности, вопросы киберзащиты стали элементом оперативного планирования НАТО. Также альянс проводит модернизацию своих информационных сетей. Отчасти такая модернизация проходит и в рамках имплементации инициативы об объединенной разведке²³.

Таким образом, проведя анализ документальной базы, на основе которой проходит процесс адаптации НАТО к новым условиям, мы можем выделить определенные стратегические векторы, в котором развивается организация. Во-первых, переход от традиционных угроз к нетрадиционным. Речь идет не только о развитии международного терроризма. Уже на саммите в Варшаве среди угроз были отмечены действия России на международной арене, которые в западных странах принято рассматривать как часть так называемой «гибридной войны». Именно поэтому все больше и больше внимания уделяется вопросам кибербезопасности. Во-вторых, в условиях возрастающих напряженностей в отношениях стран – членов альянса с Россией становится очевидной тенденция наращивания военного присутствия в балтийском регионе. В-третьих, ведется активная работа по улучшению оперативной совместимости, о чем свидетельствуют многочисленные учения в рамках НАТО²⁴. В-четвертых, очевидно, что Североатлантический альянс продолжит политику открытых дверей: в 2017 году на Саммите в Брюсселе список членов организации пополнила Черногория.

Однако данные тренды, находящие свое отражение в официальных текстах организации, являются, скорее, компромиссным решением. НАТО, как уже было отмечено выше, не является однородной структурой. В следующих главах, мы затронем проблему столкновения интересов членов альянса в ходе обсуждений различного рода вопросов.

1.3. Теоретические аспекты формирования архитектуры безопасности

Изучая проблематику, связанную с международной безопасностью, в первую очередь необходимо понять, что представляет собой понятие безопасность. Существует множество определений данного понятия.

---

²³ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. Польша, 8-9 июля 2016 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_133169.htm

²⁴ The Secretary General's Annual Report 2017. Belgium, NATO, 2018 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_03/20180315_SG_AnnualReport_en.pdf

Мы выделим два наиболее популярных подхода к пониманию безопасности. В первом случае под безопасностью понимают отсутствие каких-либо угроз. Во втором — совокупность действенных механизмов и принятых мер, позволяющих эффективно предотвращать опасность.

В первом случае, под международной безопасностью стоит понимать отсутствие угроз для государственного суверенитета, территориальной целостности, благосостоянию населения и окружающей среды из вне. Генеральная Ассамблея ООН определяет понятие международной безопасности как состояние международных отношений, при котором возможно обеспечение основных принципов и норм Устава Организации объединенных наций²⁵.

Однако если использовать второй подход, то понятие международной безопасности будет представлять собой комплекс мер по защите государственного устройства стран, суверенитета государства, его народа и т.д. В этом смысле, понятие безопасности можно представить в виде военно-политического феномена. Для достижения такого состояния необходимо предпринять ряд мер, в том числе военное строительство, создание и модернизация средств ведения боевых действий, разработка военной стратегии и т.д.

При изучении вопросов международной безопасности исследователи неизбежно сталкиваются с таким понятием как режим международной безопасности. Обычно выделяют три типа режимов: режим общей безопасности, коллективной безопасности и режим на основе сотрудничества. Когда мы говорим об общем режиме безопасности, речь идет о таких условиях, когда все акторы добровольно отказались от конфронтации, использования силы и проявления агрессии, а также договорились о сокращении вооружений. Конечно, общего режима безопасности в современных условиях международных отношений достигнуть крайне трудно, однако некоторые элементы этого режима находят свое отражение в различных соглашениях и документах. Например, в Уставе ООН, Договоре о нераспространении ядерного оружия, Манильской декларации о мирном разрешении международных споров и др.

Под режимом коллективной безопасности следует понимать условия, при которых несколько акторов принимают взаимное обязательство расценивать агрессию против любого из этих акторов, как агрессию против всех акторов, взявших на себя такое

---

²⁵ Алексанян А. Структура понятий национальной и международной безопасности: общие черты и различие // Право. Журнал Высшей школы экономики №4, 2012.

обязательство. Наиболее ярким примером такого режима в современных международных отношениях является, конечно, Североатлантический союз.

Режим международной безопасности на основе сотрудничества предполагает установления взаимного доверия путем развития тесного сотрудничества. Если в условиях режима коллективной безопасности акторы объединяются против других акторов (как правило, против вероятного агрессора), то в условиях режима на основе сотрудничества ключевое место занимает развитие диалога, а не создание институтов в области обеспечения безопасности.

Понятие архитектуры безопасности представляет собой совокупность институтов, механизмов и инструментов, при помощи которых осуществляется предотвращение и ликвидация угроз, реагирование на кризисы и их урегулирование. Таким образом, когда мы говорим о процессе формирования архитектуры безопасности НАТО, мы говорим о процессе модернизации, создания или упразднения органов, либо других институтов, а также механизмов и инструментов обеспечения безопасности, применяемых в рамках Североатлантического альянса.

ГЛАВА II. ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА

Общеизвестен факт, что принцип консенсуса применяется на уровне каждого комитета НАТО. Часто официальные представители альянса трактуют этот принцип как показатель единства и сплоченности всех членов организации. На самом деле, принцип консенсуса, наоборот, часто затрудняет работу организации и нередко демонстрирует несовершенство механизма принятия решений в альянсе. Каждая страна-участница Североатлантического договора стремится извлечь свою выгоду из членства в альянсе, исходя из собственных политических интересов. Как следствие, политические векторы и взгляды союзников не всегда совпадают друг с другом, а иногда и вовсе прямо противоположны.

2.1. Подходы к пониманию деятельности НАТО в странах Восточной Европы

Относительно недавно получившие членство в альянсе страны Восточной Европы, такие как Латвия, Литва, Польша и Эстония, стремятся использовать площадку НАТО для того, чтобы добиться гарантий безопасности от союзников, рассматривая Россию в качестве потенциального агрессора. Эти страны остро реагируют на любые кризисы, так или иначе связанные с Москвой. В качестве примеров российской агрессии правительства этих стран часто называют участие российских вооруженных сил в конфликте в Южной Осетии в 2008 году, размещение комплексов «Искандер» в Калининградской области и включение Крыма в состав Российской Федерации. Таким образом, стремления стран Восточной Европы в рамках НАТО, как правило, сводятся к получению абсолютной уверенности в том, что статья 5 Североатлантического договора будет работать на практике в случае необходимости.

Однако далеко не все члены альянса разделяют опасения этих стран в отношении России. Такие страны, как Германия и Франция предпочли бы выстраивать с Москвой партнерские отношения вместо того, чтобы быть втянутыми в политическую и экономическую конфронтацию. Об этом свидетельствуют заявления официальных лиц этих государств. К примеру, прибыв на саммит Североатлантического альянса в Варшаву летом 2016 года, Франсуа Олланд заявил, что Россия является партнером, а не врагом для Франции, а НАТО, в свою очередь, не должна указывать Европе какие отношения с

Россией у нее должны быть²⁶. Также стоит отметить, что бывший министр иностранных дел Германии Франк-Вальтер Штайнмайер, комментируя отношения между Россией и НАТО, заявил, что бряцание оружием вблизи восточных границ альянса не только не способствует безопасности в регионе, но и может стать поводом для конфронтации²⁷. Кроме того, такие страны, как Греция и Италия активно выступают против новых санкций в отношении Москвы, так как их экономика уже достаточно пострадала от антироссийских санкций и ответных мер со стороны России. Да и проблематика энергетической безопасности также порождает нежелание каких-либо осложнений отношений между Россией и некоторыми западноевропейскими государствами.

Вероятно, именно поэтому на все том же саммите НАТО в Варшаве в 2016 году, где большое внимание уделялось кризису на Украине, не было предпринято никаких реальных мер против России в ответ на ее «агрессивные действия, подрывающие суверенитет, территориальную целостность и безопасность Украины»²⁸.

Решение разместить четыре отдельных батальона в Восточной Европе является, скорее, некоторой уступкой в пользу восточноевропейских стран. Очевидно, что четыре тысячи военнослужащих не смогут сдержать потенциальную агрессию со стороны России. Исследователи аналитического центра RAND Corporation считают, что армии РФ достаточно 60 часов, чтобы захватить Латвию и Эстонию в случае вооруженного конфликта²⁹. Даже размещение в Восточной Европе семи бригад, имеющих превосходное материально-техническое оснащение (в том числе наличие бронетанковой техники и воздушной поддержки) недостаточно для полноценной обороны региона.

2.2. Американский подход к деятельности НАТО

В то же время, не стоит забывать, что среди членов альянса также есть и североамериканские страны, главную роль из которых, конечно, играют Соединенные Штаты Америки. И если в ходе предвыборной гонки Дональд Трамп активно говорил об установлении тесного партнерства с Москвой, то ракетный обстрел авиабазы Аль-Шайрат

---

26 Hollande F. Russia Is A Partner, Not A Threat // Radio Free Europe/Radio Liberty, 08.06.2016 // <http://www.rferl.org/a/hollande-russia-is-a-partner-not-a-threat/27847690.html>.

27 Steinmeier F.-W. Press release. Federal Foreign Office, 19.06.2016 // https://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/160619_BM_Bild_am_Sonntag_engl_version.html.

28 Совместное заявление Комиссии НАТО–Украина на уровне глав государств и правительств. Варшава, 09.07.2016 // http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133173.htm?selectedLocale=ru.

29 Shlapak D., Johnson M. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank // Rand Corporation, 2016 // http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1253/RAND_RR1253.pdf.

в Сирии и антироссийские санкции явно свидетельствуют о том, что нынешняя американская администрация не намерена идти на сближение с Кремлем. Однако ключевым вопросом, волнующим американскую делегацию на саммите НАТО в Брюсселе в 2017 году, стал финансовый аспект. Дональд Трамп подверг жесткой критике как сам Североатлантический союз, назвав его «устаревшей» организацией, так и союзников, которые не выполняют свои обязательства по военным расходам. В 2006 году члены Североатлантического союза договорились выделять на оборону минимум два процента от ВВП страны. Однако большинство стран по-прежнему не выполняют свои обязательства по этому пункту. На 2016 год расходы на оборону только пяти членов альянса соответствуют данному требованию. При этом доля США превышает 72% от общих расходов на оборону всех стран-участниц Североатлантического договора³⁰.

Под давлением со стороны Вашингтона, на саммите 2017 года подтвердили свои намерения увеличить военные расходы до двух процентов от ВВП до 2024 года, выделяя не менее 20 процентов из этих средств на модернизацию и развитие вооруженных сил. Очевидно, что для многих европейских стран увеличение оборонных расходов представляется нежелательной мерой. И если страны Восточной Европы готовы привести свои расходы на оборону в соответствие со своими обязательствами (правительства Латвии и Литвы планируют увеличить свой военный бюджет до двух процентов от ВВП к 2018 году³¹, а оборонные расходы Польши и Эстонии уже соответствовали этому требованию в 2016 году), то такие страны, как Германия, которые обеспечат существенный прирост военных расходов в Европе в случае увеличения своих оборонных бюджетов до двух процентов от ВВП, скорее всего, будут не в состоянии выполнить это требование. Сегодня невозможно представить, что правительство Германии даже при наличии желания способно убедить немецкую общественность увеличить военный бюджет страны на 40 процентов. Очевидно, что некоторые немецкие политические и общественные круги начнут спекулировать на инициативе увеличить ежегодные военные расходы почти на 30 млрд долларов³², назвав ее новым витком немецкого милитаризма. Поэтому даже если Германия представит на саммите в Брюсселе план по увеличению своего оборонного

---

30 Defence Expenditures of NATO Countries (2009-2016). Communique // NATO Public Diplomacy Division, 04.07.2016 // http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf.

31 The United States and Estonia, Latvia, and Lithuania – NATO Allies and Global Partners // The White House, Office of the Vice President, Washington, 23.08.2016 // <https://lv.usembassy.gov/u-s-baltic-summit-readout-2/>.

32 Trends in world military expenditure, 2016 // SIPRI, April 2017 //

<https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-world-military-expenditure-2016.pdf>.

бюджета до 2 процентов от ВВП до 2024 года, весьма сомнительно, что она сможет его реализовать.

Впрочем, администрация Трампа наверняка это понимает. Однако на момент встречи с союзниками в Брюсселе американский президент остро нуждался в политической победе. И если во внутренней политике Дональда Трампа преследовали сплошные неудачи, то попытка реабилитироваться перед своими избирателями во внешней политике кажется весьма рациональным шагом. При этом, жесткая политика по отношению к своим союзникам способна привести к очередной политической неудаче. Если представить, что американский президент предпринял бы попытку реформировать «устаревшую» организацию, например, чтобы изменить механизм принятия решений, исключив одномандатные вето по некоторым вопросам или со стороны некоторых членов, апеллируя тем, что большинство союзников не выполняют требования по формированию военного бюджета, усугубление кризиса во взаимоотношениях со своими партнерами неизбежно. А жесткая позиция западноевропейских стран привела бы к очередному политическому провалу администрации США. Какие бы заявления мы не слышали с трибуны американского эстеблишмента, очевидно, что США не готовы отказаться от НАТО.

Для Дональда Трампа важно было продемонстрировать свое влияние в организации. Сам факт согласия со стороны европейских союзников с необходимостью увеличить свои военные расходы должен создать видимость того, что Трамп наконец-то наводит порядок в альянсе. Поэтому американская сторона не заинтересована в том, чтобы настаивать на каких-то жестких обязательствах для своих европейских союзников: достаточно продемонстрировать желание и, возможно, определенный прогресс в этом направлении.

2.3. Общеευропейский подход к деятельности НАТО

Несмотря на то, что Соединенные Штаты Америки принято рассматривать как традиционно ключевого союзника в НАТО, европейские страны также активно влияют на все решения, принимаемые в организации.

Действительно, на сегодняшний день доля расходов США на оборону несравнимо выше, чем у любого другого союзника по альянсу, и превышает три с половиной процента от ВВП в то время, как абсолютное большинство союзников не способны выделять на

оборонные расходы даже два процента. Но означает ли это, что США, выступая как главный спонсор в организации, способны навязывать свою волю союзникам по Североатлантическому альянсу?

Бывший министр обороны США, Роберт Гейтс, уходя в отставку в 2011 году, выступил с резкой критикой НАТО: «Раньше я был обеспокоен тем, что НАТО превратится в двухуровневый альянс, в котором будут те, кто выступает за «мягкое» развитие, поддержание мира и постоянное обсуждение задач, и те, кто участвует в боевых миссиях... Это больше не гипотетическое беспокойство. Мы наблюдаем это уже сегодня. И это неприемлемо»³³.

Действительно, в любой операции НАТО, будь то Косово или Афганистан, вооруженные силы США играли доминирующую роль. Даже в ливийском кризисе, несмотря на то, что Вашингтон предпочел отойти на второй план, США сыграли ключевую роль в операции. Но это не говорит о том, что США на правах самого мощного союзника способны навязывать свою волю.

Одним из самых ярких доказательств тому является интервенция в Ирак в 2003 году, когда ряд членов альянса не поддержал американскую инициативу по интервенции в Ирак. Участие НАТО в той интервенции ограничилось лишь подготовкой кадров для иракских вооруженных сил.

Не стоит также забывать, несмотря на то, что альянс возглавил операцию в Ливии по обеспечению эмбарго на поставку вооружений и военной техники в страну, не стоит забывать, что из 29 членов организации только 11 предоставили свои вооруженные силы, чтобы принять участие в проведении операции. При эскалации кризиса в Сирии, администрация США не только не была уверена стоит ли активно вмешиваться в конфликт, но и, судя по всему, не рассматривала НАТО как эффективную платформу для его разрешения. По крайней мере, нет никакой уверенности, что предложение о проведении операции в Сирии не ждала та же судьба, что и предложение по Ираку в 2003-2004 годах.

Мы видим, что даже внося наибольший вклад в развитие организации, США не имеют абсолютного влияния на деятельность Североатлантического альянса. Администрация Дональда Трампа действительно может позволить себе «дипломатические выходы» вроде утверждение кандидатуры заместителя государственного секретаря на

---

³³ Gates R. Reflections on the Status and Future of the Transatlantic Alliance. 2011 // http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/sede/dv/sede190911robertgates_/sede190911robertgates_en.pdf

встречу с министрами иностранных дел под предлогом того, что сам госсекретарь принимает председателя КНР Си Цзиньпина в Вашингтоне³⁴.

Однако какой бы жесткой ни была критика в сторону НАТО, американская администрация по-прежнему заинтересована в альянсе как важном и авторитетном механизме, обладающим большим потенциалом. С другой стороны, даже робкие попытки европейских страны ослабить американское влияние на процесс обеспечения региональной безопасности³⁵ говорит о том, что влияние США на своих союзников по блоку не безгранично. Сегодня Европа не способна эффективно обеспечивать региональную безопасность без американского участия. Но это не говорит о доминирующей роли США в альянсе.

Сегодня Североатлантический альянс представляет собой площадку для обсуждения важных вопросов безопасности не только в североатлантическом регионе, но и далеко за его пределами. При этом, принцип консенсуса при принятии решений не позволяет закрепить за одним союзником или группой союзников доминирующее положение. В процессе принятия решений постоянно сталкиваются интересы союзников. И чем больше государств войдет в НАТО, тем сложнее будет добиваться компромисса при принятии тех или иных решений.

---

34 Госдепартамент подтвердил, что Тиллерсон не поедет на апрельский саммит НАТО // Голос Америки, 21.03.2017 // <https://www.golos-ameriki.ru/a/tillerson-russia-visit/3775042.html>

35 Глухих-Полещук А. Зачем Европе собственная НАТО? // Delfi, 09.01.2018. // <http://rus.delfi.lv/news/daily/europe/zachem-evrope-sobstvennoe-nato-shest-voprosov-o-voennyh-planah-evrosoyuza.d?id=49619377>

ГЛАВА III. ПОДХОДЫ К ВЫРАБОТКЕ МЕХАНИЗМОВ В АРХИТЕКТУРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ДОГОВОРА

3.1. Обеспечение безопасности в регионе Балтийского моря

На сегодняшний день для Российской Федерации по-прежнему важно препятствовать расширению границ НАТО³⁶. Приближение военной инфраструктуры альянса к российским границам традиционно воспринимаются Москвой как угроза национальной безопасности³⁷. Именно поэтому заявления со стороны НАТО о желании видеть в будущем Грузию и Украину в составе альянса воспринимаются российской стороной крайне негативно.

Директор по исследованиям Оборонного колледжа НАТО в Риме, Карл-Хайнц Камп, считает, что Россия идентифицирует себя на международной арене как антизападная держава, которая фактически определяет Североатлантический союз как своего стратегического противника³⁸.

Возможно, именно по причине нежелания излишне раздражать Кремль, на Бухарестском саммите НАТО в 2008 году Киев получила отказ на просьбу о присоединении Украины к Плану действий по членству в НАТО из-за позиций Германии и Франции.

Несмотря на то, что нынешняя украинская власть рассматривает членство в Североатлантическом союзе как одну из внешнеполитических целей³⁹, территориальные споры по Крымскому полуострову, очевидно, послужат серьезным аргументом для того, чтобы не форсировать события по вступлению Украины в НАТО. Точно также территориальные споры относительно Абхазии и Южной Осетии не позволяют Грузии участвовать в Плане действий по членству в НАТО.

---

36 Концепция внешней политики Российской Федерации. 30.11.2016 //

http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

37 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. 31.12.2015 //

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>

[req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100001,0&md=0.29217123264607014#0](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100001,0&md=0.29217123264607014#0)

38 Kamp, Karl-Heinz. 'From Wales to Warsaw: NATO's Future beyond the Ukraine Crisis' // American Foreign Policy Interests vol. 36/no. 6, (2014), p 362.

39 Рада провозгласила вступление в НАТО внешнеполитическим приоритетом Украины // Lenta.ru, 08.06.2017 // https://lenta.ru/news/2017/06/08/ku_ku/

Тем не менее, и Грузия, и Украина активно используют нарратив о постоянной угрозе со стороны России. Таковую позицию бесспорно разделяют страны Балтии, которые уже являются членами альянса.

При этом, балтийский регион представляет собой некую границу, где сталкиваются интересы России и ряда европейских стран (не только членов НАТО). В современной системе международных отношений Балтийское море имеет особое геополитическое значение. С точки зрения обеспечения безопасности, в этом регионе напрямую контактируют вооруженные силы Организации Североатлантического договора и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). С точки зрения международной экономики, развития торговли и доступа к мировому океану важность региона также не вызывает никаких сомнений.

При этом, в течение продолжительного периода регион Балтийского моря не являлся приоритетным. Это не значит, что ему вообще не уделялось никакого внимания, но на повестку дня проблемы данного региона выносились сравнительно редко, например, после кибератаки на Эстонию в 2007 году. Однако после присоединения Крымского полуострова к России ситуация коренным образом изменилась. Теперь об агрессии со стороны России в НАТО принято говорить как о реальной угрозе региональной безопасности⁴⁰, а не гипотетической.

После вступления Латвии, Литвы и Эстонии в Североатлантический альянс, интерес США к военному присутствию в регионе заметно снизился. Так, например, в военных учениях НАТО «Стедфаст Джаз», прошедших в 2013 году, участие приняли менее 200 американских военнослужащих, в то время как Франция предоставила около тысячи солдат⁴¹. Это не просто следствие сокращения военного бюджета США, но и оценка уровня напряженности в регионе.

Однако в последние годы президентства Барака Обамы, вектор Вашингтона по вопросам военного присутствия в балтийском регионе изменился. США начали рассматривать сценарии, предполагающих агрессивную политику России⁴², в результате чего стало очевидным, что без участия Финляндии и Швеции эффективно отреагировать на кризис в балтийском регионе будет сложно. Именно поэтому в НАТО в последнее десятилетие активно ведутся разговоры о необходимости вступления Финляндии и

40 Warsaw Summit Communiqué. Warsaw, 2016 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm

41 Lorenz W. Steadfast Jazz 2013: NATO on Course to Strike a Better Balance // PISM, No. 63 (516), 11.06.2013 // http://www.pism.pl/files/?id_plik=13895

42 Shlapak D., Johnson M. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank // Rand Corporation, 2016 http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1253/RAND_RR1253.pdf.

Швеции в альянс⁴³. Несмотря на то, что обе страны являются партнерами НАТО, нет никаких гарантий, что Финляндия или Швеция примут участие в разрешении кризиса в балтийском регионе.

У НАТО уже есть опыт по решению трудностей, связанных с логистикой: даже при нестабильной поддержке различных стран проведение полномасштабной операции возможно, как показала миссия в Афганистане. Геополитическая ситуация в балтийском регионе несравнимо благоприятнее для проведения операций, но нельзя не учитывать того, что и потенциальная противоборствующая сторона значительно мощнее. В случае эскалации конфликта, участие стран Северной Европы может иметь решающее значение.

Дополнительной стратегической проблемой в случае эскалации конфликта может стать Калининградская область, которая имеет общие границы с Польшей и Литвой. Несмотря на то, что численность военнослужащих, дислоцированных в Калининградской области невелико, боевой потенциал области достаточен для формирования зоны ограничения и воспреещения доступа и маневра (A2/AD)⁴⁴. В первую очередь, речь, конечно же, идет об оперативно-тактических ракетных комплексах (ОТРК), современных систем противовоздушной и противоракетной обороны, береговые ракетные комплексы и крылатые ракеты морского базирования.

По этой причине, американские эксперты считают, что в рамках НАТО для обеспечения безопасности балтийского региона необходимо предпринять все возможные шаги для улучшения отношений со странами Северной Европы⁴⁵, в частности Швецией и Финляндией. Очевидно, что речь идет о том, чтобы склонить эти страны к вступлению в альянс. Однако политическая элита Финляндии и Швеции неоднозначно относится к перспективам взять на себя союзнические обязательства.

Швеция если и предпримет какие-либо практические шаги на пути к членству в Североатлантическом союзе, то произойдет это не раньше парламентских выборов, которые запланированы на осень 2018 года. Если победу одержат социал-демократы и их союзники, вероятность того, что Швеция примет решение о вступлении в альянс, сводится

---

43 Leo G. M. Finland, Sweden, and NATO: From “Virtual” to Formal Allies? // Strategic Forum, Institute for National Strategic Studies, 2011 // <https://www.files.ethz.ch/isn/128571/SF265.pdf>

44 Зверев Ю. Небо и море под контролем. Как Россия защищает Калининградскую область // Евразия Эксперт, 05.01.2018 // <http://eurasia.expert/nebo-i-more-pod-kontrolem-kak-rossiya-zashchishchaet-kaliningradskuyu-oblast/>

45 National Defense Strategy 2018 Unclassified Summary // U.S. Department of Defense, 2018 // <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

к минимуму. Даже признавая наличие угрозы со стороны России в балтийском регионе, министр обороны Швеции Петер Хультквист выступает против членства в НАТО⁴⁶.

Финляндия также скептически относится к перспективам вступления в альянс. Большинство жителей Финляндии, согласно социологическим опросам⁴⁷, выступают членства в НАТО. И даже если Швеция начала бы процесс подписания Североатлантического договора, больше половины финнов не изменили бы свою позицию.

Мы видим, что ситуация в балтийском регионе накаляется. Николай Маратович Межевич очень точно подчеркивает, что «геополитическая конфигурация в Балтийском регионе приобретает все более ярко выраженный характер – «все против России» или «Россия против всех»⁴⁸. Но это не значит, что в вопросах формирования общей стратегии в альянсе нет разногласий. И речь идет не только о традиционном противостоянии западноевропейских стран и стран Восточной Европы, но и об отношениях различных стран к России и ее отдельным политическим решениям.

Несмотря на то, что все союзники НАТО признают угрозу, исходящую от России, часть европейских стран предпочла бы не провоцировать эскалацию кризиса, а, напротив, снизить уровень напряженности в отношениях. В предыдущей главе мы уже отмечали, что такие страны, как Германия и Франция видят выгоду в отношениях с Россией. В таких условиях разумно предположить, что многие западноевропейские страны предпочтут воздержаться от каких-либо активных шагов, способных спровоцировать рост напряженности в регионе, в отличие от Вашингтона, который готов к более решительным действиям.

3.2. Противодействие терроризму

Современная стратегия НАТО предусматривает применение 5 статьи Североатлантического договора не только в ответ на традиционную агрессию со стороны государства, но и в ответ на нетрадиционные угрозы, в частности на террористические

---

46 Министр обороны Швеции выступил против членства страны в НАТО // РИА Новости, 07.08.2017 // <https://ria.ru/world/20170807/1499862353.html>

47 Хамдохов С. Большинство жителей Финляндии выступило против вступления страны в НАТО // Российская газета, 05.11.2017 // <https://rg.ru/2017/11/05/bolshinstvo-zhitelej-finlandii-vystupilo-protiv-vstupleniia-strany-v-nato.html>

48 Межевич Н.М. Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности // Рабочая тетрадь № 35/2016. Российский совет по международным делам (РСМД), 2016. – С.20

акты. Показательным примером этого, стала операция в Афганистане в ответ на террористические атаки 11 сентября 2001 года.

И если после крупнейшего теракта современности США почти вдвое увеличили свои оборонные расходы, европейские страны не спешили увеличивать военные расходы. Более того, к концу 2000-х годов многие европейские страны пошли по пути уменьшения расходов на оборону⁴⁹, считая, что в условиях отсутствия прямых территориальных угроз, процесс обеспечения безопасности не требует огромных бюджетов. Вероятно, в следующем году мы будем наблюдать положительную динамику роста военных расходов европейских членов НАТО, чтобы показать свою приверженность обещаниям, данным на встрече в Брюсселе весной 2017 года, следовать плану по увеличению военных расходов до 2024 года до уровня не ниже двух процентов от ВВП. Однако это вовсе не будет означать, что страны НАТО готовятся к войне.

Даже в условиях угрозы со стороны международного терроризма, когда ни у кого не вызывает сомнений в необходимости всеобъемлющей борьбы с ним, европейские страны предпочли бы не увеличивать расходы на оборону, вероятно, считая, что полицейские ведомства и институты разведки справятся с этой задачей эффективнее⁵⁰.

Однако нельзя забывать, что в современном мире терроризм носит трансграничный характер. Согласно стратегии национальной обороны США, международный терроризм по-прежнему остается одной из самых опасных угроз современности⁵¹. Антитеррористическая борьба требует превентивных мер, нередко на «чужой» территории. Формирование антитеррористических сил, способных эффективно реагировать на вызовы, требуют больших оборонных расходов.

Кроме того, формирование сетей обмена разведанными, согласование действий и сотрудничества в таких областях как обеспечение безопасности на границах, подготовка специализированных кадров и проведение совместных учений по борьбе с международным терроризмом, создание международных сил и средств для предотвращения террористических актов и ликвидаций их последствий также предусматривает постоянные расходы. Учитывая то обстоятельство, что НАТО постоянно развивает партнерские отношения, а вышеназванные механизмы являются неотъемлемой

---

49 Европейские страны снижают затраты на оборону // Война и мир, 21.11.08 // <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/29786/>

50 О. Колесниченко. Новая стратегическая концепция НАТО: две точки зрения // Независимое военное обозрение: 08.10.2010. http://nvo.ng.ru/concepts/2010-10-08/1_nato.html.

51 National Defense Strategy 2018 Unclassified Summary // U.S. Department of Defense, 2018 // <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>

частью Плана действий партнерства против терроризма (ПАП-Т), сокращение оборонных расходов может прямо влиять на эффективность борьбы против международного терроризма.

Тем не менее, террористическая проблема по-прежнему актуальна. И если в конце 2014 года боевая миссия НАТО в Афганистане была прекращена, то угроза Исламского государства в Сирии и Ираке. Североатлантический союз стремится обеспечить адекватный потенциал для предотвращения террористических угроз и реагирования на них. Развитие этого потенциала и разработка методов, направленных на устранение асимметричных угроз, включая международный терроризм, во многом проводится в рамках рабочей программы защиты от терроризма (DAT POW). Цель данной программы заключается в разработке передовых технологий для защиты военнослужащих, гражданского населения и объектов инфраструктуры от таких нетрадиционных угроз, как нападение террористов-смертников, использование самодельных взрывных устройств (СВУ), нападение с использованием химических, биологических или радиологических материалов и т.д. Программа защиты от терроризма определяет конкретные требования, необходимые силам НАТО и ее партнерам для противодействия асимметричным угрозам, таким как навыки противодействия СВУ, усиление защищенности военной техники, использование современных систем биометрической идентификации и т.д. Кроме того, существует целевая группа по химическому, биологическому, радиологическому и ядерному оружию, призванная обрабатывать и реагировать на любые сигналы об использовании прекурсоров и элементов такого оружия как в зоне ответственности НАТО, так и, возможно, за ее пределами.

Террористические атаки во Франции, Бельгии, Турции и Соединенном Королевстве, вероятно, демонстрируют неспособность эффективно противостоять террористическим угрозам, делая упор на полицейские ведомства. Тем не менее, у европейских держав по-прежнему наблюдается нежелание участвовать в антитеррористических операциях за рубежом. Накануне саммита НАТО в Брюсселе в 2017 году Германия и Франция выступали против предложения об официальном присоединении НАТО к международной антитеррористической коалиции, однако на фоне теракта в Великобритании и под давлением американской стороны, такое решение было поддержано всеми членами альянса.

Тем не менее, до сих пор активность Североатлантического альянса в направлении по борьбе с Исламским государством ограничивается лишь мониторингом ситуации,

оказанием содействия Турции в обеспечении защиты национального воздушного пространства, а также предоставлением некоторым странам региона консультативной помощи в сфере безопасности и обороны⁵².

3.3. Миротворчество и кризисное регулирование

Североатлантический альянс имеет большой опыт в проведении миротворческих операций и операций кризисного регулирования: в Боснии и Герцеговине, бывшей югославской республике Македония, Косово, Афганистане, Ливии. Мы видим, что альянс давно уже вышел за традиционную зону своей ответственности.

На территории бывшей Югославии можно было наблюдать наиболее активное сотрудничество НАТО с Европейским союзом. В частности, речь идет о переданной операции по регулированию кризиса «Конкордия» на территории бывшей югославской республики Македония в руки Европейского союза, которая (прим. – операция) изначально была возглавлена Североатлантическим союзом.

Операции на Балканах показали вооруженное превосходство НАТО среди других организаций по обеспечению международной безопасности. Как оказалось, миротворцы ООН оснащены довольно слабо в техническом плане, как и «европейцы», проигрывающие альянсу в воздухе⁵³.

Примечательно, что операцию «Несокрушимая свобода» в Демократической республике Афганистан можно рассматривать как антитеррористическая операция, но в то же время на протяжении практически десятилетия реализовывали программы посткризисного регулирования.

Операция в Ливии по обеспечению эмбарго на поставки различных видов вооружения в страну в соответствии с Резолюциями Совета Безопасности ООН 1970 и 1973, начавшаяся в марте 2011 года, подтвердила готовность альянса принимать участие в содействии регулированию кризисных ситуаций даже вдали от государственных границ своих членов.

Так как любой кризис в мире, даже вдали от территориальных границ государств – членов Североатлантического союза, способен создать угрозу безопасности членам НАТО, альянс считает необходимым вмешательство в конфликт для регулирования до (с целью

---

52 Петров В. Царев Д. О подходах НАТО к борьбе с терроризмом // Зарубежное военное обозрение. 2016, №4, С. 3-10.

53 Преобразованная НАТО // NATO, Public Diplomacy Division, Brussels, Belgium, 2004. – С. 7.

недопущения эскалации конфликта), во время (с целью свести к минимуму жертвы среди мирного населения и всех противоборствующих сторон) и после кризиса (с целью ликвидации последствий конфликта). Такая позиция находит свое отражение во многих документах альянса.

Но действительно ли союзникам по НАТО удалось сформировать единый подход к пониманию о необходимости проведения операций по кризисному регулированию? Давайте рассмотрим наиболее известные операций НАТО по кризисному регулированию в постсоветский период. В частности, операции в Косово, которая была проведена альянсом в период поиска пути трансформации организации, и в Ливии, как одна из последних операций по кризисному регулированию. Мы намеренно не рассматриваем операцию «Решительная поддержка» по посткризисному регулированию в Афганистане, так как она была начата как завершающая стадия присутствия НАТО в ДРА после операции «Сокрушительная свобода», которую правильнее рассматривать как антитеррористическая операция, так как изначальной целью союзников в Афганистане была борьба против движения Талибан.

Так же стоит отметить, что мы не будем подробно рассматривать хронологию и ход операций, а лишь выделим самые важные моменты, которые помогут нам определить подход членов НАТО к пониманию о необходимости начала операций по кризисному регулированию.

3.3.1. Операция в Косово

Сегодня становится очевидным, что даже после сообщений о массовых нарушениях прав человека на территории бывшей республики Югославия, Вашингтон не стремился вмешиваться в кризис. Американский генерал Уэсли Кларк утверждает, что до весны 1998 года США практически не уделяли внимание кризису в Косово⁵⁴. Но если для Белого дома кризис в Косово был нежелателен, то проведение операции силами НАТО точно пошло на пользу альянсу.

Реагирование на кризис в Косово дало новый толчок в процессе трансформации НАТО: стало очевидным, что это не номинальная структура, которая должна была быть упразднена с распадом Советского союза, а действенный инструмент в процессе обеспечения региональной безопасности. К тому же операция в Косово повысила

---

⁵⁴ Clark W. K. *Winning modern wars : Iraq, terrorism, and the American empire* // PublicAffairs, New York, 2003. – P.166.

авторитет Североатлантического альянса в глазах европейцев, которые были всерьез обеспокоены разгоревшемся кризисом на Балканах.

В то же время, переосмысление политики относительно кризиса на Балканском полуострове сыграло на руку американской администрации. Благодаря успешным действиям против Милошевича, США поддержали свой авторитет в европейских делах. Будучи одним из лидеров НАТО, для Вашингтона было важно сохранить функциональность и авторитет альянса.

Инициация операций на Балканах привела к трансформации НАТО: Североатлантический союз стал восприниматься не как оборонительный союз, но и как миротворческий инструмент.

Нужно понимать, что единое решение по Косово в Североатлантическом альянсе было выработано не потому что кризис на Балканах одинаково волновал и американских, и европейских союзников, а потому что Косово стало своеобразным тестом на доверие к альянсу. И, как мы уже отмечали в предыдущих главах, и США, и европейские страны были заинтересованы в том, чтобы НАТО продолжило свое существование.

Более того, если бы бомбардировки силами НАТО не увенчались успехом, союзники были готовы начать наземную операцию⁵⁵. Другими словами, союзники по военно-политическому блоку были готовы сделать все необходимое, чтобы операция завершилась успешно.

3.3.2. Операция в Ливии

Совету Безопасности ООН потребовалась всего одна неделя, чтобы отреагировать на насильственное подавление протестов в Ливии. 22 февраля 2011 года СБ ООН опубликовал заявление для прессы, в котором призвал правительство Ливийской арабской Джамахирии прекратить насилие и выполнять обязательство защищать своих граждан⁵⁶.

Всего за несколько недель международное сообщество в лице ряда западных стран, Лиги арабских государств, Африканского союза и ряда латиноамериканских и азиатских стран осудили действия ливийских властей, ссылаясь на принципы «обязанность защищать» (P2R). Уже 17 марта СБ ООН выступил с резолюцией,

---

55 Disjointed War: Military Operations in Kosovo, 1999 // RAND Corporation, 2002. – P. 14. // https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1406.pdf

56 Security Council Press Statement on Libya // SC/10180-APR/2120. Security Council UN, 22.02.2011 // <https://www.un.org/press/en/2011/sc10180.doc.htm>

санкционировавшую введение бесполетной зоны над территорией Ливии, эмбарго на поставки ВВТ и замораживание активов⁵⁷. А 19 марта НАТО начала операцию в Ливии.

Такая быстрая реакция на насилие со стороны властей при подавлении протестов, граничащих с мятежами, сильно отличает действия НАТО от операции в Косово. При этом, не стоит забывать, что балканский регион находится в непосредственной близости от европейских государств в отличие от Ливии, территория которой находится вообще на другом материке.

При этом гуманитарные мотивы интервенции, такие как насилие в отношении собственного народа, бесосновательные задержания и аресты, исчезновение людей и пытки, весьма быстро стали перекликаться с идеей о смене режиме. На лондонской конференции по Ливии участники фактически согласились со сменой режима в Ливии. Министр иностранных дел Соединенного Королевства, Уильям Хейг, подчеркнул, что «У Ливии с Каддафи нет никакого будущего»⁵⁸.

Фактически гуманитарные мотивы подавались вперемешку с откровенной риторикой о смене режима в стране. Кэмерон, Обама и Саркози заявили, «Пока Каддафи не сложит полномочия, НАТО и ее партнеры по коалиции должны продолжать свои операции для защиты гражданского населения и давления на режим Каддафи»⁵⁹.

В ходе проведения операции представитель Североатлантического альянса Оана Лунгеску отметила, что целью операции наряду с прекращением насилия является и передача власти⁶⁰.

Означает ли это то, что западные страны, воспользовавшись гуманитарным кризисом в Ливии, преследуют собственные политические цели? Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган осудил своих союзников по НАТО, истинные мотивы которых, по его мнению, определены вопросом природных ресурсов: «хотелось бы, чтобы они справедливо смотрели на Ливию вместо того, чтобы смотреть на нефть»⁶¹.

В действительности такое осуждение имеет свои основания. К началу 2011 года добыча ливийской нефти была значительно сокращена, отчего пострадали европейские

57 Резолюция 1973 (2011) СБ ООН // S/RES/1973 (2011). Совет Безопасности ООН, 17.03.2011 //

<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement>

58 На конференции по Ливии в Лондоне решено создать Контактную группу // ТАСС, 29.03.2011 //

<http://tass.ru/arhiv/497239>

59 Македонов Л. Бомбили и будем бомбить // Газета.ру, 15.04.2011 //

https://www.gazeta.ru/politics/2011/04/15_a_3585173.shtml

60 НАТО: цель операции в Ливии - мирная передача власти // Вести, 28.03.2011 //

<https://www.vesti.ru/doc.html?id=440173&tid=88994>

61 Libya conflict: reactions around the world // The Guardian, 2011 //

<https://www.theguardian.com/world/2011/mar/30/libya-conflict-reactions-world>

страны, куда на экспорт уходило свыше семидесяти процентов ливийской нефти⁶². Кроме того, несмотря на то, что до 2011 года основной объем добычи ливийской нефти приходился на иностранных нефтедобывающие компании, власти Ливии регулярно вмешивалось в их деятельность, сокращая квоты на добычу сырья по политическим мотивам⁶³.

При этом объемы добычи в Ливии североамериканских сырьевых компаний были значительно ниже, чем у европейских коллег. Возможно это одна из причин почему США старались принимать менее активное участие в проведении операции в Ливии, чем их европейские союзники.

Примечательно и то, что контактная группа по Ливии еще в ходе проведения операции активно обсуждала такие вопросы, как возможность наладить экспорт сырой нефти в обмен на гуманитарную помощь и продовольствие⁶⁴.

Стоит также отметить, что на протяжении десятилетий у стран – членов НАТО возникали напряженности в отношениях с Ливией. Так, например, вмешательство Каддафи в Чад поставило под угрозу авторитет Франции в регионе, из-за чего она оказалась втянутой в чадско-ливийский конфликт 1978-1987 годов. Кроме того, в 1970-е годы Ливия поставляла вооружение Ирландской республиканской армии. Конечно, исторические примеры напряженностей в отношениях не могут служить мотивами для интервенции в Ливию, но могли стать дополнительным аргументом в пользу смены режима. При этом, до возникновения гуманитарного кризиса западные страны не проводили агрессивную политику в отношении Ливии.

Очевидно, что кризис в Косово действительно представлял собой угрозу для европейской безопасности, хотя бы ввиду своей территориальной близости к европейским членам НАТО. Примечательно, что для операций, проводимых вдалеке от североатлантического региона, используется тот же мотив. Бывший генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен отмечал, что «основная задача — это территориальная оборона членов альянса, однако нужно понимать, что в сегодняшнем

---

62 Касаев Э. О. К вопросу о ливийской нефти // Институт Ближнего Востока, 14.04.2013 // <http://www.iimes.ru/?p=17239>

63 Сенькович В. Свержение Каддафи и перспективы иностранных энергетических компаний в Ливии // РСМД, 14.09.2011 // http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sverzhenie-kaddafi-i-perspektivy-inostrannykh-energeticheskikh/?sphrase_id=12635444

64 Контактная группа по Ливии ищет пути выхода из кризиса // Радио Свобода, 14.04.2011 // https://rus.azattyk.org/a/libya_usa_katar/4743945.html

мире эффективная оборона наших территорий может начинаться за пределами наших границ»⁶⁵.

Однако для проведения операций по кризисному регулированию, как показывает опыт рассмотренных выше операций, как правило, недостаточно гуманитарных мотивов. Для активного участия страны в миротворческом процессе необходимо наличие ее собственных политических или стратегических интересов в регионе, в котором проводится операция.

Преступления против человечности, в том числе этнические чистки, на протяжении многих лет наблюдались в Мьянме⁶⁶. Однако отсутствие стратегических интересов в этом регионе у стран, способных инициировать гуманитарную интервенцию, позволило остаться руководству Мьянмы безнаказанным.

При этом, на применение силы против оппозиции (что в некоторых странах иногда представляют международному сообществу под видом «операции по восстановлению конституционного порядка») в Ливии международное сообщество отреагировало крайне быстро, очевидно, в силу наличия собственных стратегических интересов в этом регионе.

3.4. Кибербезопасность

Стремительное развитие технологий и быстрые темпы информатизации общества породили новый тип угроз, связанных с киберпространством. Информационная революция породила такие понятия как кибербезопасность, кибервойны и кибертерроризм.

Вопросам угроз в киберпространстве в НАТО уделяют большое внимание, о чем свидетельствуют встречи глав государств – членов НАТО по вопросам кибербезопасности. При этом, члены альянса склонны считать, что вопрос кибербезопасности является неотъемлемым элементом структуры коллективной обороны⁶⁷.

Учитывая то, что угроза кибербезопасности воспринимается как элемент гибридной войны, возникает вопрос о возможности применения положений пятой статьи

---

65 Расмуссен не исключает проведения операций за пределами границ альянса // РИА Новости, 03.11.2010 // <https://ria.ru/politics/20101103/292197073.html>

66 Myanmar: security forces target Rohingya during vicious Rakhine scorched-earth campaign // Amnesty International, 19.12.2016 // <https://www.amnesty.org/en/press-releases/2016/12/myanmar-security-forces-target-rohingya-viscious-scorched-earth-campaign>

67 Cyber Defence Pledge // NATO Press Release (2016) 124, 08.07.2016 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133177.htm

Североатлантического договора в случае, если один из членов НАТО подвергается кибератакам.

В 2007 году правительственные и частные электронные системы в Эстонии подверглись массовым кибератакам. Так как это происходило на фоне протестов, связанных с переносом памятников Второй мировой войны, правительство Эстонии обвинило в атаках Россию⁶⁸. Несмотря на то, что доказать причастность России к тем атакам так и не удалось, бывший в то время помощник министра обороны Эстонии Лаури Алманн по-прежнему считает, что была спланированная агрессия России⁶⁹.

Тем не менее, к прецеденту союзники отнеслись очень серьезно. Вскоре после атак в Эстонии был создан Центр по кибербезопасности, аккредитованный НАТО. В январе 2008 года альянс принял Политику по кибербезопасности, которая впоследствии была обновлена на фоне принятия новой Стратегической концепции в Лиссабоне. Уже в концепции 2010 года отмечалось, что кибербезопасность является одним из приоритетных направлений в деятельности Североатлантического союза⁷⁰. В июле 2012 года кибербезопасность как область деятельности была включена в Процесс планирования НАТО. Летом того же года было учреждено Агентство по связи и информации, которое было призвано заниматься созданием централизованной системы кибербезопасности.

Важной вехой в развитии системы кибербезопасности НАТО стало принятие Углубленной политики кибербезопасности в 2014 году. В документе признается, что пятая статья Североатлантического договора должна применяться также и в случае агрессии против члена альянса в киберпространстве, однако решение о ее применении должно приниматься альянсом в частном порядке, рассматривая каждый случай индивидуально⁷¹.

Очевидно, что без этой оговорки многие члены альянса не согласились бы рассматривать кибератаку как достаточное основание для применения статьи о коллективной обороне.

Во-первых, характер атаки может быть различным: атака на один электронный ресурс и поражение всей или большей части электронной сети страны различны по своим последствиям.

---

68 Traynor I. Russia accused of unleashing cyberwar to disable Estonia // The Guardian, 17.05.2007 // <https://www.theguardian.com/world/2007/may/17/topstories3.russia>

69 Leyden J. Cyberwarriors on the Eastern Front // The Register, 25.04.2011 // http://www.theregister.co.uk/2011/04/25/estonia_cyberwar_interview/

70 Стратегическая концепция НАТО «Активное участие, современная оборона» // НАТО, Лиссабон, 19.11.2010 // https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm

71 Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе // НАТО, Press Release (2014) 120, 05.09.2014 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru

Во-вторых, сложность обнаружения источника атаки. Современные технологии позволяют проводить атаку из различных уголков страны, как физически, так и виртуально, используя иностранные серверы и технологии, позволяющие обеспечить сложную схему сетевых соединений. Кроме того, организатором атак может быть не только властные органы, но и частные лица. Даже в случае достоверного определения местоположения источника атаки, установить связь исполнителя с правительственными структурами представляется сложной задачей.

В-третьих, совершенно очевидно, что члены альянса предпочли бы избежать ситуации, когда они будут втянуты в конфликт против их воли.

В стремлении оптимизировать систему киберзащиты 10 февраля 2016 года между НАТО и ЕС было заключено Техническое соглашение по кибербезопасности. Данное соглашение предусматривает механизмы обмена информацией и опыта работы между Координационным центром НАТО по реагированию на компьютерные инциденты (NCIRC) и Группой экстренного реагирования на компьютерные инциденты ЕС (CERT-EU). Такое взаимодействие позволяет европейским членам альянса не дублировать схожие по задачам и функционалу структуры в ЕС и НАТО, а соответственно и сократить расходы на обеспечение собственной кибербезопасности.

В конце 2017 года на уровне министров обороны в альянсе было принято решение об учреждении нового Центра киберопераций, который будет расквартирован в центральном штабе объединённых вооружённых сил НАТО в Европе.

При этом, несмотря на серьёзную работу, которая была проделана в области обеспечения кибербезопасности, очевидно, что нет единого понимания как нужно подходить к вопросам обеспечения безопасности в киберпространстве. Это совершенно новый тип угроз, под которые ещё не адаптировано международное право. Трансграничный характер киберугроз, многочисленные механизмы осуществления кибератак, которые различны по своим масштабам и последствиям, и многие другие аспекты должны будут способствовать выработке новых правовых норм.

Так, например, не определено само понятие кибератаки и его правовая основа. Можно ли считать наводнение информационных каналов дезинформацией кибератакой? Такой метод можно использовать в целях пропаганды, но понимание такого инструмента как элемента агрессии таит в себе много подводных камней. Необходимо тщательно проработать правовую базу: каким должно быть содержание дезинформации; как определить, что данная дезинформация распространяется с целью политической

пропаганды; что, если недостоверная информация приобрела широкую популярность неконтролируемо и т.д.

Нужно ли рассматривать кибератаку на производственный объект как агрессию? В частности, является ли атака на иранское предприятие по обогащению урана в Натанзе (Иран) при помощи вируса «стакснет» (Stuxnet) агрессией? По оценкам экспертов, из-за этой кибератаки прогресс по ядерной программе Ирана был отброшен на четыре года назад⁷². Если это пример агрессии, то почему атака на производственные объекты в Иране для международного сообщества оказалась менее важной, чем атаки на правительственные и новостные ресурсы в Эстонии и Грузии?

Кроме того, на сегодняшний день абсолютно не ясно как должен проходить контроль за кибероружием. Компьютерные вирусы и ДДОС-атаки применяются даже частными лицами, что свидетельствует о низком «пороге входа» для обладания кибероружием. Формирование режима нераспространения кибероружия на сегодняшний день является практически невыполнимой задачей. А ведь последствия могут быть ужасающими: кибероружие может успешно применяться против объектов атомной энергетики, систем жизнеобеспечения городов и других объектов критической информационной инфраструктуры, даже если их электронные системы являются изолированными.

Вероятно, кибербезопасность — единственная сфера, в которой у членов альянса нет существенных разногласий в понимании подходов к формированию структуры безопасности. Однако так происходит во многом потому, что такое понимание до конца не сформулировано: как реагировать на кибератаки, как обеспечить надежную защиту стратегических объектов, какими механизмами возможно осуществить контроль над кибероружием и т.д. — ответов больше, чем вопросов.

---

⁷² Ромашкина Н., Махукова А. Вирусы против иранского атома // Независимое военное обозрение, 13.09.2013 // http://nvo.ng.ru/concepts/2013-09-13/1_virusy.html

Заключение

Окончание холодной войны повлекло за собой необходимость адаптации подходов к региональной безопасности к новым условиям. Политические элиты западных стран увидели потенциал в Организации Североатлантического договора, однако альянсу предстоял большой путь по формированию новой архитектуры безопасности в условиях изменившейся геополитической ситуации.

Процесс преобразования архитектуры региональной безопасности представляет собой весьма длительный процесс, в рамках которого выстраиваются механизмы и инструменты с целью эффективно предотвращать и реагировать как на традиционные вызовы и угрозы, так и нетрадиционные.

НАТО, как организация, играющая передовую роль в процессе обеспечения безопасности в регионах Северной Атлантики и Европы, обладает значительными возможностями при построении собственной архитектуры безопасности.

Сегодня, спустя почти два десятка лет, проделаны большие шаги в этом процессе, которые нашли свое отражение в официальных текстах организации. Основываясь в выработке новых подходов на теории секьюритизации, экспертное сообщество НАТО смогло найти пути к адаптации организации к нетрадиционным вызовам и угрозам. Качественно изменились подходы к вопросам сдерживания и предотвращения кризисов. Важным аспектом в процессе обеспечения региональной безопасности стало продвижение либеральных ценностей.

Выработка новых подходов к вопросам обеспечения безопасности способствовала занятию лидирующей позиции среди региональных организаций, принимающих участие в обеспечении безопасности в Европе. При этом, на сегодняшний день, несмотря на тесное партнерство между Европейским союзом и НАТО, в деятельности этих организаций наблюдаются элементы конкуренции, о чем мы более подробно рассуждали в первой главе.

Учитывая то обстоятельство, что большинство членов Европейского союза имеют членство в Североатлантическом союзе, мы выдвинули гипотезу о том, что при формировании подходов к процессу обеспечения безопасности у союзников возникают серьезные противоречия.

Основываясь на неореалистических подходах к анализу межгосударственных отношений, мы разделили членов альянса на группы, проводящие схожую политику в

области международной безопасности, исходя из своих национальных интересов. В ходе анализа мы подтвердили свою гипотезу о возникающих противоречиях у членов Североатлантического союза относительно восприятия угроз безопасности. Кроме того, в НАТО имеет место быть широко освещенная проблема исполнения своих обязательств по расходам на оборону, относительно которой среди союзников также фигурируют разные взгляды, несмотря на то, что формально все страны подтверждают необходимость и намерения выполнять данные финансовые обязательства.

В обществе часто доминирует идея, что политику НАТО диктуют США на правах основного спонсора организации. Для корректного изучения вопроса о формировании архитектуры безопасности НАТО, мы также изучили этот вопрос. В ходе анализа механизмов принятия решений и исторического опыта, мы сделали вывод, что США хоть и могут использовать свои политические активы при продвижении собственных интересов на площадке альянса, но возможностью навязать любое решение, в особенности то, которое противоречит стратегическим интересам других членов организации, Вашингтон не обладает. Нередко решения Североатлантического союза представляют собой некий компромиссный вариант, в котором так или иначе учтены интересы всех членов альянса.

В третьей главе мы рассмотрели как отличаются подходы к формированию новой архитектуры безопасности альянса в отношении основных типов современных угроз у американских и европейских членов организации.

В частности, мы рассмотрели позиции стран НАТО относительно возрастающей напряженности в отношениях с Россией, в особенности на территории балтийского региона. Необходимо отметить, что по данному вопросу нет единого европейского понимания. Страны Балтии традиционно воспринимают Россию как потенциального агрессора. После кризиса в Грузии и на Украине такую позицию начали разделять все союзники по НАТО, однако ряд европейских государств стремится снизить уровень напряженности, так как их стратегические интересы лежат в плоскости тесного сотрудничества с Россией. Что же касается американского подхода к этому вопросу, США также воспринимают проводимую Россией политику как угрозу стабильности в регионе Балтийского моря. Тем не менее, несмотря на рост напряженности в российско-американских отношениях, анализируя речь американского президента на саммите НАТО, мы делаем вывод, что новая администрация президента не рассматривает российскую политику в балтийском регионе как приоритетную угрозу безопасности альянса.

Также мы рассмотрели подходы союзников к осуществлению антитеррористической деятельности альянса. Несмотря на то, что для европейских стран вопрос терроризма стал особенно актуальным, среди целого ряда сильных европейских государств наблюдается тенденция к нежеланию вести борьбу с международным терроризмом вдалеке от своих территориальных границ. Американская позиция прямо противоположна: США активно продвигают идею о том, что безопасность страны начинается с предотвращения и ликвидации угроз вдалеке от ее собственных границ.

Но не только антитеррористические операции НАТО проходят вдалеке от границ членов организации. Североатлантический альянс за свою историю провел порядка двух десятков операций по кризисному регулированию. Мы рассмотрели подходы союзников к пониманию необходимости инициализации операций по кризисному регулированию, подробно осветив некоторые аспекты подготовки и проведения двух наиболее ярких операций НАТО по кризисному регулированию в постсоветский период: операции в Косово и в Ливии. Мы намеренно рассмотрели сильно отличающиеся друг от друга операции, чтобы выявить общие тенденции в абсолютно различном временном и ситуационном контексте конфликта.

Главный вывод, который мы сделали, анализируя опыт альянса в проведении операций по кризисному регулированию, заключается в том, что гуманитарных мотивов для инициализации операции недостаточно. Активное участие государства в операциях по кризисному регулированию возможно лишь тогда, когда гуманитарные мотивы начала операции подкреплены стратегическими интересами государства. При этом, нужно понимать, что в рамках НАТО такую операцию возможно начать только в условиях, когда несколько союзников заинтересованы в проведении операции, и сама операция не противоречит интересам ни одного члена альянса.

Также в рамках третьей главы мы рассмотрели подходы членов альянса к формированию архитектуры безопасности НАТО в сфере киберпространства. Само понимания опасности, которую в себе таят киберугрозы, в альянсе прекрасно понимают. Тем более, что один из членов организации уже был подвержен кибератакам в 2007 году, что послужило серьезным толчком для развития деятельности Североатлантического союза в этом направлении. Примечательно, что в 2014 году союзники пришли к согласию, что пятая статья Североатлантического договора распространяется и на агрессии в киберпространстве, однако решение об обращении к положениям этой статьи должно приниматься альянсом, рассматривая каждый случай кибератак в частном порядке.

При этом, очевидно, что члены альянса только находятся на пути к формированию подходов к обеспечению безопасности в киберпространстве. Вопрос обнаружения источника кибератаки и развития технологий защиты в киберпространстве — лишь техническая сторона проблемы. Абсолютно очевидно, что у союзников нет сформулированного понимания как вопросы кибератак, кибервойны и кибероружия должны регулироваться международным правом.

На данном этапе, альянс стремится оптимизировать свою систему кибербезопасности. Наряду с уже созданным Центром по кибербезопасности в Эстонии, в 2017 году на уровне министров обороны было принято решение об учреждении Центра киберопераций, который будет расположен в бельгийском городе Монс. Но на вопросы какие типы кибератак следует рассматривать как агрессию, какова правовая основа кибератак, как обеспечить контроль над кибероружием у союзников нет определенного ответа.

Вероятно, сфера киберпространства является одной из немногих сфер, где у членов альянса нет существенных разногласий в понимании подходов к формированию архитектуры безопасности. Однако причиной этому служит, скорее, отсутствие сформулированных подходов в этой сфере как таковых.

Подводя итоги, мы делаем вывод о том, что формирование архитектуры безопасности НАТО — сложный и долгосрочный процесс. При этом, сама архитектура безопасности постоянно находится в процессе развития, так как могут изменяться или дополняться подходы к процессу обеспечения безопасности, появляться или упраздняться механизмы и инструменты в области международной безопасности. По большому счету, новая архитектура безопасности НАТО, формирование которой началось после окончания холодной войны, уже выглядит весьма оформленной и способной адекватно отвечать на многие вызовы и угрозы. Безусловно, процесс обсуждения подходов к обеспечению безопасности государств – членов альянса непрерывен, и в ходе этих обсуждений каждый из союзников исходит из своих собственных интересов.

При этом, определяя европейский и американский вектор, в самом общем виде можно выделить несколько тенденций. Во-первых, совершенно очевидно, что европейские страны предпочитают сокращать оборонные расходы, в отличие от США, военный бюджет которых значительно превышает оборонные бюджеты своих союзников. Во-вторых, большинство европейских стран – членов НАТО предпочитают не участвовать в затяжных операциях за рубежом. В свою очередь, американская администрация всячески пытается

навязать идею о том, что для эффективного обеспечения безопасности своей страны, предотвращение угрозы за ее пределами — необходимость. В-третьих, союзники по-разному оценивают приоритетность угроз. И в этом вопросе нет единства даже среди европейских стран. Например, если для стран Балтии, которые являются членами НАТО одна из самых приоритетных угроз безопасности является российская политика, то страны Южной и Центральной Европы больше озабочены проблемой беженцев, которая также воспринимается как угроза безопасности. В свою очередь, США часто проблему терроризма ставят выше других угроз.

Список источников и литературы

Источники:

1. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. Польша, 8-9 июля 2016 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_133169.htm
2. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе // НАТО, Press Release (2014) 120, 05.09.2014 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru
3. Концепция внешней политики Российской Федерации. 30.11.2016 // http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
4. Резолюция 1973 (2011) СБ ООН // S/RES/1973 (2011). Совет Безопасности ООН, 17.03.2011 // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/41/PDF/N1126841.pdf?OpenElement>
5. Совместное заявление Комиссии НАТО–Украина на уровне глав государств и правительств. Варшава, 09.07.2016 // http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133173.htm?selectedLocale=ru.
6. Стратегическая концепция НАТО «Активное участие, современная оборона» // НАТО, Лиссабон, 19.11.2010 // https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm
7. Стратегическая концепция Североатлантического союза. Вашингтон, 1999 // http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm?selectedLocale=ru
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. 31.12.2015 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.29217123264607014#0>
9. Council Decision 2003/432/CFSP. Luxembourg, 12.06.2003 // <http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/decision%2012.06.03.pdf>
10. Cyber Defence Pledge // NATO Press Release (2016) 124, 08.07.2016 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133177.htm
11. Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance. London, 1990 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23693.htm

12. Joint declaration by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. Warsaw, 2016 // https://www.nato.int/cps/ic/natohq/official_texts_133163.htm
13. London Declaration on a transformed North Atlantic Alliance issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council. London, 5-6.07.1990 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm
14. Myanmar: security forces target Rohingya during vicious Rakhine scorched-earth campaign // Amnesty International, 19.12.2016 // <https://www.amnesty.org/en/press-releases/2016/12/myanmar-security-forces-target-rohingya-viscious-scorched-earth-campaign>
15. National Defense Strategy 2018 Unclassified Summary // U.S. Department of Defense, 2018 // <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf>
16. NATO Defence Planning Process. NATO, 30.01.2017 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49202.htm?selectedLocale=en
17. Shared vision, common action: a stronger Europe. A Global Strategy for the EU's foreign and security policy. Brussels, 2016 // http://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/eugs_review_web.pdf
18. Steinmeier F.-W. Press release. Federal Foreign Office, 19.06.2016 // https://www.auswaertiges-amt.de/EN/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/160619_BM_Bild_am_Sonntag_engl_version.html.
19. Strategic concept: Active Engagement, Modern Defence. Lisbon, 19.11.2010 // http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en
20. The Alliance's New Strategic Concept. Rome, 1991 // http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_23847.htm
21. The Secretary General's Annual Report 2017. Belgium, NATO, 2018 // https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_03/20180315_SG_AnnualReport_en.pdf
22. Warsaw Summit Communiqué. Warsaw, 2016 // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm

Літєратура:

23. Clark W. K. *Winning modern wars : Iraq, terrorism, and the American empire* // PublicAffairs, New York, 2003. – P.166.
24. Crowther A. *NATO Nouvelle: Everything Old Is New Again* // *Joint Force Quarterly*, No. 4 (83), 2016.
25. *Defence Expenditures of NATO Countries (2009-2016). Communiqué* // NATO Public Diplomacy Division, 04.07.2016 // http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf.
26. *Disjointed War: Military Operations in Kosovo, 1999* // RAND Corporation, 2002. – P. 14. // https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1406.pdf
27. Gates R. *Reflections on the Status and Future of the Transatlantic Alliance*. 2011 // http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/sede/dv/sede190911robertgates_/sede190911robertgates_en.pdf
28. Hollande F. *Russia Is A Partner, Not A Threat* // *Radio Free Europe/Radio Liberty*, 08.06.2016 // <http://www.rferl.org/a/hollande-russia-is-a-partner-not-a-threat/27847690.html>.
29. *Interoperability for joint operations. Belgium, NATO, 2006.* // https://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_publications/20120116_interoperability-en.pdf
30. Kamp, Karl-Heinz. *'From Wales to Warsaw: NATO's Future beyond the Ukraine Crisis'* // *American Foreign Policy Interests* vol. 36/no. 6, (2014), p 362.
31. Leo G. M. *Finland, Sweden, and NATO: From “Virtual” to Formal Allies?* // *Strategic Forum*, Institute for National Strategic Studies, 2011 // <https://www.files.ethz.ch/isn/128571/SF265.pdf>
32. Leyden J. *Cyberwarriors on the Eastern Front* // *The Register*, 25.04.2011 // http://www.theregister.co.uk/2011/04/25/estonia_cyberwar_interview/
33. *Libya conflict: reactions around the world* // *The Guardian*, 2011 // <https://www.theguardian.com/world/2011/mar/30/libya-conflict-reactions-world>
34. Lorenz W. *Steadfast Jazz 2013: NATO on Course to Strike a Better Balance* // *PISM*, No. 63 (516), 11.06.2013 // http://www.pism.pl/files/?id_plik=13895
35. Lozancic D. *NATO’s Transformation into a Contemporary Alliance* // *The Croatian International Relations Review*, July–December 2010. P.75–87.
36. Mariano S. *Untangling NATO Transformation* // *Queen’s University, Centre for International Relations*, 2007 // <http://www.queensu.ca/cidp/sites/webpublish.queensu.ca.cidpwww/files/files/publications/Martellos/Martello32.pdf>
37. *Security Council Press Statement on Libya* // SC/10180-AFR/2120. Security Council UN, 22.02.2011 // <https://www.un.org/press/en/2011/sc10180.doc.htm>
38. Shlapak D., Johnson M. *Reinforcing Deterrence on NATO’s Eastern Flank* // *Rand Corporation*, 2016 // http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1200/RR1253/RAND_RR1253.pdf.
39. Алексанян А. Структура понятий национальной и международной безопасности: общие черты и различие // *Право. Журнал Высшей школы экономики* №4, 2012.

40. Волков М. НАТО и современные вызовы и угрозы Евроатлантической безопасности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена №30 (115), 2009. С.43–50.
41. Глухих-Полещук А. Зачем Европе собственная НАТО? // Delfi, 09.01.2018. // <http://rus.delfi.lv/news/daily/europe/zachem-evrope-sobstvennoe-nato-shest-voprosov-o-voennyh-planah-evrosoyuza.d?id=49619377>
42. Госдепартамент подтвердил, что Тиллерсон не поедет на апрельский саммит НАТО // Голос Америки, 21.03.2017 // <https://www.golos-ameriki.ru/a/tillerson-russia-visit/3775042.html>
43. Европейские страны снижают затраты на оборону // Война и мир, 21.11.08 // <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/29786/>
44. Зверев Ю. Небо и море под контролем. Как Россия защищает Калининградскую область // Евразия Эксперт, 05.01.2018 // <http://eurasia.expert/nebo-i-more-pod-kontrolem-kak-rossiya-zashchishchaet-kaliningradskuyu-oblast/>
45. Касаев Э. О. К вопросу о ливийской нефти // Институт Ближнего Востока, 14.04.2013 // <http://www.iimes.ru/?p=17239>
46. Контактная группа по Ливии ищет пути выхода из кризиса // Радио Свобода, 14.04.2011 // https://rus.azattyk.org/a/libya_usa_katar/4743945.html
47. Кучинская М. Основные тенденции трансформации НАТО на современном этапе (политические аспекты) // Проблемы национальной стратегии №3 (8), 2011. С.98–116.
48. Македонов Л. Бомбили и будем бомбить // Газета.ру, 15.04.2011 // https://www.gazeta.ru/politics/2011/04/15_a_3585173.shtml
49. Межевич Н.М. Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности // Рабочая тетрадь № 35/2016. Российский совет по международным делам (РСМД), 2016. – С.20
50. Министр обороны Швеции выступил против членства страны в НАТО // РИА Новости, 07.08.2017 // <https://ria.ru/world/20170807/1499862353.html>
51. На конференции по Ливии в Лондоне решено создать Контактную группу // ТАСС, 29.03.2011 // <http://tass.ru/arhiv/497239>
52. НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие. 17.05.2010 // http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_63654.htm
53. НАТО: цель операции в Ливии - мирная передача власти // Вести, 28.03.2011 // <https://www.vesti.ru/doc.html?id=440173&tid=88994>
54. Нестеров А. Модернизация НАТО: основные этапы и направления // Армия и общество №4 (36), 2013.
55. О.Колесниченко. Новая стратегическая концепция НАТО: две точки зрения // Независимое военное обозрение: 08.10.2010. http://nvo.ng.ru/concepts/2010-10-08/1_nato.html.
56. Петров В. Царев Д. О подходах НАТО к борьбе с терроризмом // Зарубежное военное обозрение. 2016, №4, С. 3-10.
57. Преобразованная НАТО // NATO, Public Diplomacy Division, Brussels, Belgium, 2004. – С. 7.
58. Рада провозгласила вступление в НАТО внешнеполитическим приоритетом Украины // Lenta.ru, 08.06.2017 // https://lenta.ru/news/2017/06/08/ku_ku/
59. Расмуссен не исключает проведения операций за пределами границ альянса // РИА Новости, 03.11.2010 // <https://ria.ru/politics/20101103/292197073.html>

60. Ромашкина Н., Махукова А. Вирусы против иранского атома // Независимое военное обозрение, 13.09.2013 // http://nvo.ng.ru/concepts/2013-09-13/1_virusy.html
61. Сенькович В. Свержение Каддафи и перспективы иностранных энергетических компаний в Ливии // РСМД, 14.09.2011 // http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sverzhenie-kaddafi-i-perspektivy-inostrannykh-energeticheskikh/?sphrase_id=12635444
62. Усубов Ф., Белоногов А. Проблемы трансформации стратегии НАТО в начале XXI в. // Вестник СПбГУ. Сер. 6, 2010, вып. 1. С.93–100.
63. Хамдохов С. Большинство жителей Финляндии выступило против вступления страны в НАТО // Российская газета, 05.11.2017 // <https://rg.ru/2017/11/05/bolshinstvo-zhitelej-finliandii-vystupilo-protiv-vstupleniia-strany-v-nato.html>
64. The United States and Estonia, Latvia, and Lithuania – NATO Allies and Global Partners // The White House, Office of the Vice President, Washington, 23.08.2016 // <https://lv.usembassy.gov/u-s-baltic-summit-readout-2/>.
65. Traynor I. Russia accused of unleashing cyberwar to disable Estonia // The Guardian, 17.05.2007 // <https://www.theguardian.com/world/2007/may/17/topstories3.russia>
66. Trends in world military expenditure, 2016 // SIPRI, April 2017 // <https://www.sipri.org/sites/default/files/Trends-world-military-expenditure-2016.pdf>.
67. Vershbow A. Strong on Values, Strong on Defence: NATO's Role in Projecting Stability to the East and South. London, 23.05.2016 // http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_131446.htm?selectedLocale=en